

Оскар Уайльд
Как важно быть серьезным¹
Несерьезная комедия для серьезных людей

*Посвящается
Роберту Болдуину Россу
в знак восхищения
и искреннего расположения*

Действующие лица

Джон Уординг, мировой судья.
Алджернон Монкрифф.
Его преподобие **Чезьюбл**, доктор богословия, каноник.
Мистер Грибзби, стряпчий.
Мерримен, дворецкий.
Лейн, лакей Монкриффа.
Моултон, садовник.
Леди Брэкнелл.
Достопочтенная **Гвендолен Ферфакс**, ее дочь.
Сесили Кардью.
Мисс Призм, ее гувернантка.

Место действия:

действие первое – квартира Алджернона Монкриффа на Хаф-Мун-стрит, Лондон, Уэст-Энд;

действие второе – сад в поместье мистера Уординга, Вултон²;

действие третье – гостиная в доме мистера Уординга, Вултон;

действие четвертое – там же, где и третье.

Время действия – наши дни.

Действие первое

Гостиная в квартире **Алджернона** на Хаф-Мун-стрит, Лондон, Уэст-Энд. Время: после полудня. Комната обставлена роскошно и со вкусом. Из соседней комнаты слышатся звуки фортепьяно. **Лейн** накрывает на стол к чаю. Музыка умолкает, и входит **Алджернон**.

Алджернон. Вы слышали, как я играю, Лейн?

Лейн. Я считаю невежливым подслушивать, сэр.

Алджернон. Очень жаль, Лейн, – жаль вас, я имею в виду. Я играю не слишком точно – точно может играть любой, – зато с удивительной экспрессией. Когда я играю на фортепьяно, мое форте – это чувство. Трезвость ума я приберегаю для прозы жизни.

Лейн. Да, сэр.

Алджернон. Ну а что касается прозы жизни, Лейн, скажите, готовы ли сэндвичи с огурцами для леди Брэкнелл?

Лейн. Да, сэр.

Алджернон. Гм. И где же они?

Лейн. Вот, сэр. (*Показывает блюдо с сэндвичами.*)

¹ Название пьесы в оригинале построено на каламбуре: слово «серьезный» (earnest) и имя Эрнест (Ernest) по-английски звучат совершенно одинаково. Поэтому название пьесы одновременно означает и «Как важно быть серьезным», и «Как важно быть Эрнестом». Смысл этой игры слов становится понятным по ходу чтения пьесы.

² *Вултон* – небольшой город в графстве Хартфордшир.

Алджернон (*осматривает их, берет два и садится на диван*). Да... кстати, Лейн, я вижу по записям в вашей хозяйственной книге, что в четверг, когда у меня обедали лорд Шормен и мистер Уординг, было выпито восемь бутылок шампанского.

Лейн. Да, сэр; восемь бутылок и пинта пива.

Алджернон. Интересно, как это получается, что слуги холостяков пьют только шампанское? Я спрашиваю чисто из любопытства.

Лейн. Я усматриваю причину в высоком качестве напитка, сэр. Мне не раз случалось замечать, что у людей, обзаведшихся семьей, шампанское редко бывает столь же превосходным.

Алджернон. Боже праведный, Лейн! Неужели семейная жизнь оказывает на людей такое пагубное воздействие?

Лейн. Я полагаю, сэр, что в жизни семейного человека есть и привлекательные стороны. Хотя у меня самого в этом отношении опыта пока еще не так много. Я был женат всего только однажды. Да и то в результате недоразумения, имевшего место между мною и одной молодой особой.

Алджернон (*с томно-усталым видом*). Не думаю, Лейн, что ваша семейная жизнь меня так уж интересуется.

Лейн. Вы правы, сэр, это не очень интересная тема. Я лично редко об этом думаю.

Алджернон. Вполне естественно! Спасибо, Лейн, можете идти.

Лейн. Благодарю вас, сэр.

Алджернон. Хотя постойте... Дайте мне еще один сэндвич с огурцом.

Лейн. Слушаю, сэр. (*Возвращается и подносит Алджернону блюдо с сэндвичами.*)

Лейн уходит.

Алджернон. Взгляды Лейна на семейную жизнь не отличаются большой строгостью. Ну а если низшие сословия не будут подавать нам пример высокой нравственности, тогда какой от них прок? У них, по-видимому, начисто отсутствует представление о моральной ответственности.

Входит **Лейн**.

Лейн. Мистер Эрнест Уординг.

Входит **Джек**. **Лейн** уходит.

Алджернон. Как дела, дорогой Эрнест? Что привело тебя в Лондон?

Джек. Желание развеяться, что же еще? А ты, как всегда, жуешь, Алджи?

Алджернон (*сухо*). Насколько я знаю, в приличном обществе принято в пять часов подкрепляться. Где ты пропадал с самого четверга?

Джек (*располагается на диване*). У себя, в провинции.

Алджернон. А чем ты там вообще занимаешься?

Джек (*снимая перчатки*). В городе развлекаешься сам, за городом развлекаешь других. Но это так скучно!

Алджернон. Ну и кого же ты там развлекаешь?

Джек (*небрежно*). Соседей, всего лишь соседей.

Алджернон. Ну и как, симпатичные у тебя соседи в Шропшире?³

Джек. Совершенно ужасные! Никогда с ними не разговариваю.

Алджернон. Здорово же ты их там развлекаешь! (*Подходит к столу и берет сэндвич.*) Кстати, я не ошибаюсь? Твое графство ведь Шропшир?

Джек. Шропшир? При чем тут Шропшир? Ах, ну да, конечно... Но послушай, что все это

³ *Шропшир* – графство в Англии на границе с Уэльсом.

значит – чашки, сэндвичи с огурцами? Ради кого такая расточительность у столь молодого человека? Кого ты ждешь к чаю?

Алджернон. О, всего лишь тетю Огасту и Гвендолен.

Джек. Но это же замечательно!

Алджернон. Может быть. Но боюсь, что тетя Огаста не будет в восторге от твоего здесь присутствия.

Джек. Могу я поинтересоваться, почему?

Алджернон. Дорогой Джек, твоя манера флиртовать с Гвендолен до ужаса неприлична. Впрочем, как и манера Гвендолен флиртовать с тобой.

Джек. Но я люблю Гвендолен. Я и в Лондон-то приехал только затем, чтобы сделать ей предложение.

Алджернон. Ты ведь сказал, что приехал развеяться... А предложение – это скорее дело.

Джек. В тебе нет ни капли романтики.

Алджернон. А какая романтика в предложении? Быть влюбленным – это действительно романтично. Но делать конкретное, недвусмысленное предложение – в этом нет ни малейшей романтики. Тем более, что его могут принять. Насколько мне известно, так обычно и поступают. Тогда прощай вся романтика, ведь вся ее суть – в неопределенности. Если я когда-нибудь и женюсь, то обязательно постараюсь тут же выкинуть это из головы.

Джек. Не сомневаюсь, дорогой Алджи. Суд по бракоразводным делам специально и существует для людей с дефектами памяти.

Алджернон. Какой смысл рассуждать на эту деликатную тему? Ведь разводы совершаются на небесах... (*Джек протягивает руку за сэндвичем. Алджернон отстраняет ее.*) Сэндвичи прошу не трогать. Их приготовили специально для тети Огасты. (*Берет один из них и ест.*)

Джек. Но сам-то ты их уплетаешь один за другим.

Алджернон. Я – совсем другое дело. Она ведь моя тетушка. (*Достаёт снизу ещё одно блюдо.*) Вот, угощайся бутербродами с маслом. Они для Гвендолен. Гвендолен обожает бутерброды с маслом.

Джек (*подходит к столу и берет бутерброд*). А ты знаешь, вкусно.

Алджернон. Но это не значит, мой друг, что ты должен съесть их все без остатка. Ты ведешь себя так, будто ты уже муж Гвендолен. А ведь ты пока еще на ней не женился, да и вряд ли когда-нибудь женишься.

Джек. Это почему же?

Алджернон. Главным образом потому, что девушки никогда не выходят за тех, с кем флиртуют. Они считают это дурным тоном.

Джек. Какая чепуха!

Алджернон. Вовсе нет. Это непреложная истина. Именно потому видишь повсюду такое огромное количество холостяков. Ну а кроме того, я не дам своего согласия.

Джек. Своего согласия?! А ты тут при чем?

Алджернон. Друг мой, не забывай, что Гвендолен – моя кузина. Прежде чем я позволю тебе жениться на ней, ты должен будешь разобраться в своих отношениях с Сесили.

Джек. Сесили? О чем ты говоришь? (*Алджернон подходит к звонку и звонит, затем возвращается к чайному столу и съедает ещё один сэндвич.*) Какая еще Сесили, Алджи? Никакой Сесили я не знаю... насколько мне не изменяет память.

Входит **Лейн**.

Алджернон. Принесите мне портсигар – тот, что мистер Уординг забыл в курительной комнате, когда обедал здесь в прошлый раз.

Лейн. Слушаю, сэр.

Лейн уходит.

Джек. Значит, все это время портсигар был у тебя? И ты не дал мне об этом знать? А я все это время забрасывал Скотленд-Ярд отчаянными письмами. Уже начал подумывать о солидной награде тому, кто найдет его.

Алджернон. Можешь предложить награду мне. У меня сейчас как никогда туго с деньгами.

Джек. Еще чего не хватало – предлагать награду за то, что и так уже найдено!

Появляется **Лейн** с подносом, на котором лежит портсигар. **Алджернон** поспешно берет его оттуда. **Лейн** уходит.

Алджернон. Такова, значит, твоя благодарность! (*Открывает портсигар и разглядывает его.*) Впрочем, это уже не важно – судя по надписи, это вовсе и не твой портсигар.

Джек. А чей же еще? (*Подходит к Алджернону.*) Ты же видел его у меня сотни раз. Кстати, читать, что написано внутри, ты не имеешь права. Настоящие джентльмены не читают чужих портсигаров.

Алджернон. Что можно читать, чего нельзя – любые предписания здесь нелепы. Человек имеет право читать все – без всяких ограничений. Современная культура лучшей своей половиной обязана как раз тому, чего читать бы не следовало.

Джек. Я это и без тебя знаю и не собираюсь обсуждать с тобой вопросы современной культуры. Это не предмет для частной беседы. Я просто хочу, чтобы мне вернули мой портсигар.

Алджернон. Да, но это же не твой портсигар. Это подарок от какой-то особы по имени Сесили, а ты ведь утверждаешь, что никакой Сесили не знаешь.

Джек. Ну хорошо, если тебе так хочется знать, Сесили – моя тетушка.

Алджернон. Твоя тетушка?

Джек. Ну да. Такая, знаешь, очаровательная старушка. Живет в Танбридж-Уэллзе. Так что придется отдавать портсигар, Алджи.

Алджернон (*отступает за диван*). Если она твоя тетушка, да еще из Танбридж-Уэллза, почему она называет себя «маленькой Сесили»? (*Читает.*) «От маленькой Сесили. В знак нежной любви...»

Джек (*подходит к дивану и становится на него коленями*). Ну что в этом удивительного? Есть тетушки высокие, а есть маленькие. И какими им быть, решать самим тетушкам. Ты думаешь, все они как две капли воды должны быть похожи на твою тетю Огасту? Чушь какая! Ну-ка отдавай мне мой портсигар! (*Ходит за Алджерноном по всей комнате.*)

Алджернон. Ну хорошо, а скажи, пожалуйста, почему твоя тетушка называет тебя дядей? «От маленькой Сесили. В знак нежной любви дорогому дяде Джеку». Я не против того, чтобы тетушки были маленькими, но объясни, ради Бога, с какой стати тетушка, независимо от ее размера, станет называть собственного племянника дядей? Этого я что-то не возьму в толк. А кроме того, тебя звать не Джек, а Эрнест.

Джек. Нет, не Эрнест, а Джек.

Алджернон. Но ты же всегда говорил мне, что тебя звать Эрнест! Я всем представлял тебя как Эрнеста. Ты отзывался на имя Эрнест. К тому же и вид у тебя серьезный, как у Эрнеста⁴. Так что утверждать, что имя твое не Эрнест, просто глупо, тем более что оно значит на твоих визитках. Вот. (*Вынимает из портсигара визитную карточку.*) «Мистер Эрнест Уординг, Б-4, Олбани⁵, Уэст-Энд». Я сохраню эту карточку как доказательство, что тебя звать Эрнест, на тот случай если ты вздумаешь отрицать это, – в моем ли присутствии, в присутствии ли Гвендолен или еще кого-нибудь другого. (*Кладет визитную карточку в карман.*)

⁴ Снова, как и в названии пьесы, обыгрывается созвучие двух английских слов: earnest – «серьезный» и Ernest – «Эрнест».

⁵ Олбани – фешенебельный многоквартирный жилой дом с меблированными комнатами на улице Пиккадилли в Лондоне.

Джек. Понимаешь, в Лондоне меня знают как Эрнеста, а в деревне – как Джека, ну а портсигар мне подарили в деревне.

Алджернон. Пусть даже и так, но это все равно не объясняет, почему твоя маленькая тетушка Сесили из Танбридж-Уэллза называет тебя дорогим дядей Джеком. Полно, старина, выкладывай-ка лучше все начистоту.

Джек. Дорогой Алджи, ты уговариваешь меня, будто я обязан тебе исповедоваться. Но требовать исповеди, не будучи исповедником, – это верх неприличия. Это ничем не лучше вымогательства.

Алджернон. А исповедники именно этим и занимаются. Ну, не упрямысь, рассказывай все как есть. Признаюсь, я всегда подозревал в тебе убежденного банбериста, хоть ты и пытался это скрывать, а теперь я в этом уверен.

Джек. Банбериста? А это еще кто такой?

Алджернон. Я раскрою тебе значение этого замечательного слова, если ты объяснишь мне, почему в городе ты Эрнест, а в деревне – Джек.

Джек. Сперва отдай портсигар.

Алджернон. Изволь. *(Отдает ему портсигар.)* А теперь я слушаю твое объяснение – только позаботься о том, чтобы оно звучало как можно более неправдоподобно. *(Садится на диван.)*

Джек. Дорогой друг, в моем объяснении ничего неправдоподобного не будет. Все объясняется очень просто. Покойный мистер Томас Кардью, усыновивший меня еще совсем ребенком при довольно странных, нужно сказать, обстоятельствах и оставивший мне все, чем я теперь обладаю, в своем завещании назначил меня опекуном своей внучки мисс Сесили Кардью. Сесили, которая из чувства уважения называет меня дядей, – такие чувства, кстати, тебе не дано понять – живет в моем загородном доме под надзором своей гувернантки мисс Призм – особы, достойной всяческого восхищения...

Алджернон. И где же этот загородный дом?

Джек. Тебе не к чему знать, друг мой. Не надейся на приглашение... Единственное, что я могу тебе сказать, – не в Шропшире.

Алджернон. Я так и думал. Потому что я целых два раза банберировал по всему Шропширу... Ну хорошо, продолжай – почему все-таки ты в городе Эрнест, а а за городом – Джек?

Джек. Дорогой Алджи, я не уверен, что ты сможешь понять мои истинные побуждения. Для этого ты недостаточно серьезен. Видишь ли, когда становишься опекуном, невольно делаешься более ответственным и начинаешь относиться ко всему с позиций высокой нравственности. Чувствуешь, что это твой долг. Но от излишней ответственности и чересчур высокой нравственности нормальный человек не может ощущать себя особенно счастливым и здоровым. И вот, чтобы расслабиться, я стараюсь вырваться в Лондон, причем всегда говорю при этом, что еду к своему младшему брату Эрнесту, который будто бы живет в Олбани и то и дело попадает в разного рода жуткие переделки. Вот, собственно, дорогой мой Алджи, и вся правда, чистая и святая.

Алджернон. Правда редко бывает чистой и еще реже святой. Иначе современная жизнь была бы невыносимо скучной, а современная литература – попросту невозможной.

Джек. И это было бы не так уж плохо.

Алджернон. Литературная критика – не твой конек, мой друг. Поэтому не садись на него. Предоставь это делать тем, кто никогда не учился в университете. Им это прекрасно удается на страницах ежедневных газет. По натуре ты прирожденный банберист. Я имею все основания называть тебя так. Ты один из самых законченных банберистов на свете.

Джек. Объясни, Бога ради, что ты под этим имеешь в виду?

Алджернон. Ты очень удачно выдумал младшего брата по имени Эрнест и благодаря ему можешь ездить в Лондон, когда тебе только вздумается. Я же придумал вечно больного мистера Банбери, чтобы навещать его в деревне, когда мне заблагорассудится, и должен тебе сказать, что этот незаменимый джентльмен постоянно меня выручает.

Джек. Чепуха какая.

Алджернон. Вовсе не чепуха. Банбери – просто бесценная находка. Если бы не его хлип-

кое здоровье, я не смог бы, например, обещать тебе пообедать с тобой сегодня вечером в «Савое»⁶, так как тетя Огаста пригласила меня к себе на обед еще за неделю.

Джек. Я, кажется, никуда тебя не приглашал обедать сегодня вечером.

Алджернон. Знаю. Это из-за твоей жуткой небрежности в рассылке приглашений. Очень неосмотрительно с твоей стороны. Нет ничего хуже, чем не получить приглашения из-за чьей-то небрежности.

Джек. Но я не могу обедать в «Савое». Я задолжал им около семисот фунтов. Они даже грозятся взыскать с меня долг через суд. Словом, они и так уже сидят у меня в печенках.

Алджернон. А почему бы тебе не расплатиться с ними? У тебя же денег куры не клюют.

Джек. Да, но у Эрнеста нет денег, а я обязан поддерживать его репутацию.

Алджернон. Ну, тогда давай пообедаем у Виллиса.

Джек. Лучше пообедай у своей тети Огасты.

Алджернон. Не имею ни малейшего желания. Начать с того, что я обедал у нее в понедельник, а обедать с родственниками достаточно и одного раза в неделю. А кроме того, когда я там обедаю, со мной обращаются как с членом семьи, и я оказываюсь то вовсе без дамы, то сразу с двумя. И, наконец, я прекрасно знаю, с кем тетушка собирается посадить меня сегодня. Сегодня меня посадят с Мэри Фаркар, которая любит флиртовать через стол со своим собственным мужем. А это не очень приятно. Я бы сказал – даже неприлично... но такого рода вещи все больше входят в моду. Просто безобразие, сколько женщин в Лондоне флиртует со своими собственными мужьями. Это выглядит совершенно противоестественно. Все равно что на людях стирать чистое белье⁷. Кроме того, теперь, когда я убедился, что ты заядлый банберист, я, естественно, хочу с тобой поговорить о банберизме. Хочу рассказать тебе правила.

Джек. Да никакой я не банберист. Если Гвендолен согласится выйти за меня замуж, я тут же разделаюсь со своим братцем; впрочем, я покончу с ним в любом случае. Сесили что-то слишком заинтересовалась им. Постоянно упрощает меня простить его, ну и прочее в том же духе. Мне это уже начинает надоедать. Так что я собираюсь избавиться от Эрнеста, да и тебе советую сделать то же самое с мистером... с твоим немощным другом, которому ты дал такое нелепое имя.

Алджернон. Ничто не заставит меня расстаться с мистером Банбери, и если ты когда-нибудь женишься, что представляется мне маловероятным, ты будешь очень рад знакомству с мистером Банбери. Женатый человек, не знакомый с мистером Банбери, влачит ужасно скучное существование.

Джек. Глупости. Если я женюсь на такой очаровательной девушке, как Гвендолен, – а она единственная девушка, на которой я хотел бы жениться, – то поверь, я и знать не захочу твоего мистера Банбери.

Алджернон. Зато твоя жена захочет. Ты, должно быть, не совсем себе представляешь, что в семейной жизни вдвоем весело, а вдвоем скучно.

Джек (*назидательно*). Это, мой дорогой юный друг, всего лишь теория, которую безнравственные французские пьесы насаждают вот уже целых полвека.

Алджернон. И которую счастливые английские семьи подтвердили на практике за половину этого времени.

Джек. Ради Бога, не пытайся казаться циником. Циничным быть проще всего.

Алджернон. В наши дни, мой друг, быть кем-то не так-то просто. В этом деле такая жесткая конкуренция. (*Слышен звонок в дверь*.) Должно быть, тетя Огаста. Только родственники и кредиторы звонят так по-вагнеровски⁸. Послушай, если я отвлеку ее минут на десять, чтобы ты получил возможность сделать предложение Гвендолен, могу я рассчитывать на обед с тобой се-

⁶ *Савой* – ресторан при одной из самых дорогих лондонских гостиниц «Савой» на улице Стрэнд.

⁷ Шуточная перефразировка английской поговорки «стирай свое грязное белье дома», т. е. «не выноси сора из избы».

⁸ То есть так громко и продолжительно. Музыка композитора Вагнера многими считается оглушительно шумной.

годня у Виллиса?

Джек. Пожалуй, раз уж тебе так хочется.

Алджернон. Но только прошу тебя отнестись к этому делу серьезно. Терпеть не могу людей, которые несерьезно относятся к вопросам принятия пищи. Это пустые люди.

Входит **Лейн.**

Лейн. Леди Брэкнелл и мисс Ферфакс.

Алджернон идет им навстречу. Входят **леди Брэкнелл** и **Гвендолен.**

Леди Брэкнелл. Здравствуй, милый Алджернон. Надеюсь, ты хорошо себя ведешь?

Алджернон. Я хорошо себя чувствую, тетя Огаста.

Леди Брэкнелл. Но это далеко не одно и то же. Более того, это редко когда совпадает...
(Замечает Джека и холодно кивает ему.)

Алджернон (обращаясь к Гвендолен). Боже мой, до чего же ты элегантна!

Гвендолен. Я всегда элегантна. Не правда ли, мистер Уординг?

Джек. Вы само совершенство, мисс Ферфакс.

Гвендолен. О, надеюсь, что нет. Это лишило бы меня возможности совершенствоваться, а я намерена совершенствоваться во многих отношениях.

Гвендолен и **Джек** усаживаются рядом в углу комнаты.

Леди Брэкнелл. Извини, Алджернон, если мы слегка опоздали, но мне надо было навестить дорогую леди Харбери. Я не была у нее с тех пор, как умер ее бедный муж. Никогда не видела, чтобы женщина так изменилась. Она выглядит лет на двадцать моложе. А теперь я выпила бы чашку чаю и отведала твоих знаменитых сэндвичей с огурцами.

Алджернон. Да, конечно, тетя Огаста. (Идет к чайному столу.)

Леди Брэкнелл. Ты не хочешь к нам присоединиться, Гвендолен?

Гвендолен. Спасибо, мама, мне и здесь хорошо.

Алджернон (с ужасом беря в руки пустое блюдо). Силы небесные! Лейн! Где сэндвичи с огурцами? Я ведь их специально заказывал!

Лейн (невозмутимо). Сегодня не было огурцов на рынке, сэр. Я туда дважды ходил.

Алджернон. Не было огурцов?

Лейн. Нет, сэр. Даже за наличные.

Алджернон. Спасибо, Лейн. Можете идти.

Лейн. Благодарю вас, сэр. (Уходит.)

Алджернон. Мне очень жаль, тетя Огаста, но достать огурцов было никак невозможно, даже за наличные.

Леди Брэкнелл. Ничего, Алджернон. Леди Харбери угостила меня пышками. Она, мне кажется, живет теперь только ради своего удовольствия.

Алджернон. Я слышал, волосы у нее стали совсем золотыми от горя.

Леди Брэкнелл. Да, цвет волос у нее изменился, хотя трудно сказать, отчего. (Алджернон подходит к ней и подает ей чашку чаю.) Спасибо, мой милый. А у меня для тебя сюрприз. За обедом я хочу посадить тебя с Мэри Фаркар. Такая прелестная женщина и так внимательна к своему мужу. На них просто приятно смотреть.

Алджернон. Боюсь, тетя Огаста, я вынужден буду отказаться от удовольствия сегодня у вас обедать.

Леди Брэкнелл (нахмурившись). Надеюсь, ты так со мной не поступишь, Алджернон. Это нарушило бы мне размещение людей за столом, и твоему дядюшке пришлось бы обедать у себя наверху. К счастью, он к этому уже привык.

Алджернон. Мне очень жаль, и я, естественно, невероятно огорчен, но я только что полу-

чил телеграмму о том, что моему бедному другу Банбери снова хуже. (*Переглядывается с Джеком.*) Они там считают, что в такую минуту я просто обязан быть с ним.

Леди Брэнкнелл. Странно. Этот твой мистер Банбери, как видно, обладает поразительно слабым здоровьем.

Алджернон. Да, здоровье бедного Банбери никуда не годится.

Леди Брэнкнелл. Должна тебе сказать, Алджернон, что, по-моему, мистеру Банбери давно пора уже выбрать, жить ему или умирать. Колебаться в таком важном вопросе непростительно. Я, по крайней мере, не одобряю современной моды сочувствовать больным людям. Мне она кажется нездоровой. Поощрять болезни в других едва ли достойное дело. Быть здоровым – первый наш долг в жизни. Я не устаю повторять это твоему бедному дяде, но он не обращает на мои слова никакого внимания... если судить по состоянию его здоровья. Что ж, Алджернон, разумеется, ты должен быть рядом с мистером Банбери – тут ничего не поделаешь. Но ты меня очень обяжешь, если от моего имени попросишь мистера Банбери почувствовать себя хоть капельку лучше к субботе, потому что я рассчитываю на твою помощь в составлении музыкальной программы. Это будет мой последний прием, и мне нужно нечто такое, что сможет стимулировать общий разговор, особенно если учесть, что это самый конец сезона и каждый уже сказал все, что хотел сказать, хотя в большинстве случаев это не Бог весть что.

Алджернон. Я передам мистеру Банбери ваше пожелание, тетя Огаста, если, конечно, он будет в сознании, и мне почему-то кажется, что он постарается поправиться к субботе. Конечно, подобрать подходящую музыку не так просто. Если музыка хорошая – ее никто не слушает, а если плохая – никто не разговаривает. Впрочем, если вы будете настолько любезны, что пройдете со мной в соседнюю комнату, я могу показать вам программу, которую уже наметил для вашего приема.

Леди Брэнкнелл. Спасибо, Алджернон, что не забываешь свою тетю Огасту. (*Встает и идет за Алджерноном.*) Я уверена, что программа будет прелестной, если, разумеется, изъять из нее все предосудительное. Например, французских шансонеток я не могу допустить. Гости всегда находят их неприличными и либо возмущаются, что ужасно вульгарно, либо смеются, что еще хуже. Немецкий язык звучит гораздо пристойнее, и, я полагаю, таковым он и есть. Гвендолен, ты будешь мне аккомпанировать.

Гвендолен. Хорошо, мама.

Леди Брэнкнелл и Алджернон уходят в музыкальную комнату. **Гвендолен** остается.

Джек. Не правда ли, сегодня чудесная погода, мисс Ферфакс?

Гвендолен. Умоляю вас, не говорите со мной о погоде, мистер Уординг. Когда люди говорят со мной о погоде, я всегда понимаю, что они имеют в виду нечто совершенно иное. И это заставляет меня нервничать.

Джек. Я и хочу сказать об ином.

Гвендолен. Ну вот видите. Я никогда не ошибаюсь.

Джек. Мне хотелось бы воспользоваться временным отсутствием леди Брэнкнелл, чтобы...

Гвендолен. Да, я вам советую это сделать. Но учтите, у мамы есть привычка неожиданно возвращаться в комнату. Сколько раз я ей говорила об этом!

Джек (*нервно*). Мисс Ферфакс, с той самой минуты, как я вас увидел, я не перестаю восторгаться вами... я восторгаюсь вами больше, чем любой из тех девушек... каких я встречал с тех пор... с тех пор как я встретил вас...

Гвендолен. О, я это прекрасно знаю. Жаль только, что вы не проявляете этого немного заметнее, по крайней мере на людях. Вы мне всегда казались неотразимо привлекательным. Даже до того, как мы с вами встретились, я уже была к вам равнодушна. (*Джек смотрит на нее с изумлением.*) Мы живем, как вы, надеюсь, знаете, мистер Уординг, в век идеалов. Об этом постоянно напоминают нам самые фешенебельные ежемесячные журналы, и, как мне говорят, это стало темой проповедей даже в самых захолустных церквях. Я всегда мечтала полюбить человека по имени Эрнест. В этом имени есть нечто внушающее абсолютное доверие. Как только Ал-

джернон сказал мне, что у него есть друг, которого звать Эрнест, я тотчас же поняла, что мне суждено полюбить вас. Имя это, что очень важно для моего душевного спокойствия, встречается, по всей видимости, крайне редко.

Джек. И вы действительно меня любите, Гвендолен?

Гвендолен. Всем сердцем!

Джек. Дорогая! Вы даже не знаете, какое для меня это счастье!

Гвендолен. Эрнест, любимый мой! *(Они обнимаются.)*

Джек. Но вы же не хотите сказать, что не смогли бы меня полюбить, если бы я был не Эрнест?

Гвендолен. Но вы ведь Эрнест.

Джек. Да, конечно. Но если бы меня звали как-нибудь по-другому? Неужели вы тогда не смогли бы меня полюбить?

Гвендолен *(рассеянно)*. Ну, это ведь только метафизические рассуждения, а метафизические рассуждения не имеют отношения к реальной жизни, какой мы ее знаем.

Джек. Сказать по правде, моя дорогая, мне имя Эрнест не нравится... По-моему, оно мне совсем не подходит.

Гвендолен. Оно вам прекрасно подходит. Это дивное имя. В нем есть своя музыка. Оно вызывает какой-то трепет в душе.

Джек. Право же, Гвендолен, по-моему, есть масса имен, гораздо более привлекательных, чем это. Джек например – чем не прекрасное имя?

Гвендолен. Джек?.. Нет, в имени Джек не слышно музыки, оно не вызывает душевного трепета... Я знавала нескольких Джеков, и все они, без исключения, были на редкость невзрачными молодыми людьми. Кроме того, не забывайте, что Джек – это уменьшительное от имени Джон, а Джонов у нас хватает в каждой семье. Мне искренне жаль всякую женщину, которая замужем за человеком по имени Джон. Ее жизнь с ним, должно быть, ужасно однообразна. И она, скорее всего, никогда не испытывает этого упоительного наслаждения – немного побыть наедине с самой собой. Нет, единственное надежное для семейной жизни имя – это Эрнест.

Джек. В таком случае, Гвендолен, мне нужно срочно креститься... то есть я хотел сказать – нам срочно нужно жениться. Нельзя терять ни минуты.

Гвендолен. Жениться, мистер Уординг?

Джек *(удивленно)*. Ну да... конечно. Я люблю вас, мисс Ферфакс, и вы тоже мне дали понять, что не совсем равнодушны ко мне.

Гвендолен. Я обожаю вас. Но вы еще не сделали мне предложения. О том, что вы хотите жениться на мне, не было сказано пока ни слова. Этот вопрос даже не затрагивался.

Джек. В таком случае... могу ли я сейчас сделать вам предложение?

Гвендолен. Я думаю, сейчас самый для этого подходящий момент. И чтобы сразу избавить вас от возможных разочарований, мистер Уординг, я должна не откладывая заявить вам с полной откровенностью, что твердо решила ответить вам согласием.

Джек. Гвендолен!

Гвендолен. Так что же, мистер Уординг, вы собираетесь мне сказать?

Джек. Вы сами знаете что.

Гвендолен. Но это пока что так и не было произнесено вслух.

Джек. Гвендолен, согласны ли вы стать моей женой? *(Опускается на колени.)*

Гвендолен. Конечно, согласна, мой дорогой! Как долго вы медлили с этим! Боюсь, у вас не очень большой опыт по части предложений.

Джек. Единственная моя, я никого на свете не любил, кроме вас.

Гвендолен. Да, но мужчины сплошь и рядом делают предложения просто так, для практики. Например, мой брат Джеральд. Все мои подруги постоянно говорят мне об этом. Какие у вас чудесные голубые глаза, Эрнест. Совсем голубые. Надеюсь, вы всегда будете смотреть на меня вот так, как сейчас, – особенно в присутствии других людей.

Входит леди Брэнкелл.

Леди Брэкнелл. Мистер Уординг! Сейчас же встаньте с колен, сэр! Что за нелепая поза! Это в высшей степени неэстетично!

Гвендолен. Мама! *(Джек пытается встать. Она его удерживает.)* Я вынуждена попросить вас удалиться. Вы появились не вовремя. Кроме того, мистер Уординг еще не совсем закончил.

Леди Брэкнелл. Чего не закончил, осмелюсь спросить?

Гвендолен. Я помолвлена с мистером Уордингом, мама. *(Оба встают.)*

Леди Брэкнелл. Прошу прощения, но ты еще ни с кем не помолвлена. А когда ты действительно будешь с кем-то помолвлена, я или твой отец, если только позволит ему здоровье, сообщим тебе об этом. Помолвка для молодой девушки должна быть сюрпризом, а приятным или неприятным – это уж как получится. Этот вопрос нельзя отдавать ей на откуп... А сейчас, мистер Уординг, я хотела бы задать вам несколько вопросов.

Джек. Буду рад ответить на любые ваши вопросы, леди Брэкнелл.

Гвендолен. Вы хотите сказать, если будете знать, как ответить на них. Мамины вопросы бывают просто-таки инквизиторскими.

Леди Брэкнелл. Именно такими они и будут. А пока я буду наводить необходимые справки, ты, Гвендолен, можешь подождать меня внизу, в экипаже.

Гвендолен *(с упреком)*. Мама!

Леди Брэкнелл. В карету, Гвендолен! *(Гвендолен идет к двери. Они с Джеком обмениваются воздушными поцелуями за спиной леди Брэкнелл. Леди Брэкнелл как-то неопределенно озирается вокруг, не совсем понимая, что это был за звук. Потом поворачивается к дочери.)* Ты слышала, Гвендолен? В карету!

Гвендолен. Да, мама. *(Уходит, еще раз оглянувшись на Джека.)*

Леди Брэкнелл *(усаживается)*. Вы тоже можете сесть, мистер Уординг.

Ищет в кармане записную книжку и карандаш.

Джек. Благодарю вас, леди Брэкнелл, я лучше постою.

Леди Брэкнелл *(вооружившись записной книжкой и карандашом)*. Должна вам заметить, что вы не значитесь в моем списке подходящих женихов, хотя он в точности совпадает со списком моей близкой приятельницы, герцогини Болтон. Мы с ней как бы сотрудничаем в этом плане. Однако я готова внести вас в список, если ваши ответы будут по сердцу любящей матери. Вы курите?

Джек. Должен признаться, курю.

Леди Брэкнелл. Рада слышать. Мужчине нужно иметь какое-нибудь занятие. И так уже в Лондоне хватает бездельников. Сколько вам лет?

Джек. Двадцать девять.

Леди Брэкнелл. Самый подходящий возраст, чтобы обзавестись семьей. Я всегда придерживалась мнения, что мужчина, желающий вступить в брак, должен знать все или ничего. А вы – что вы знаете?

Джек *(после некоторого колебания)*. Ничего, леди Брэкнелл.

Леди Брэкнелл. И это я рада слышать. Я не одобряю всего того, что мешает природному неведению человека. Неведение подобно нежному экзотическому цветку: дотроньтесь до него – и он завянет. Вся концепция современного образования в корне порочна. К счастью, – по крайней мере у нас, в Англии, – образование не оставляет ни малейших следов. Иначе оно представляло бы большую опасность для высших классов и, возможно, привело бы к насилию на Гроувенор-сквер⁹. Ваш доход?

Джек. От семи до восьми тысяч в год.

Леди Брэкнелл *(делает пометки в записной книжке)*. В недвижимости или в капиталом-

⁹ Площадь в центральной части Лондона.

вложениях?

Джек. Главным образом в капиталовложениях.

Леди Брэнкнелл. Это меня устраивает. От земли ни доходов, ни удовольствия: всю жизнь платишь налоги, и даже после смерти с тебя их дерут. Земля дает положение в обществе, но мешает поддерживать его на должном уровне. Такова моя точка зрения на недвижимость.

Джек. У меня есть загородный дом и при нем, естественно, земельный участок – где-то около полутора тысяч акров, но это не основной источник моих доходов. У меня такое впечатление, что пользу из моего поместья извлекают одни только браконьеры.

Леди Брэнкнелл. Загородный дом! А сколько в нем спален? Впрочем, это может быть выяснено потом. Надеюсь, у вас есть дом и в Лондоне? Такая девушка, как Гвендолен, с ее простыми, неиспорченными вкусами, вряд ли сможет поселиться в деревне.

Джек. У меня есть дом на Белгрейв-сквер¹⁰, но его снимает на ежегодной основе леди Блоксем. Естественно, я могу в любое время отказать ей, предупредив за полгода.

Леди Брэнкнелл. Леди Блоксем? Не знаю такой.

Джек. Она почти не выходит из дому. Ей уже очень много лет.

Леди Брэнкнелл. В наше время это еще не гарантия благопристойного поведения. А какой номер на Белгрейв-сквер?

Джек. Сто сорок девять.

Леди Брэнкнелл (*недовольно качает головой*). Немодная сторона. Так я и знала – что-то будет не так. Впрочем, это легко изменить.

Джек. Вы имеете в виду моду или сторону?

Леди Брэнкнелл (*строго*). При необходимости – и то, и другое. А каковы ваши политические воззрения?

Джек. Боюсь, никаких. Я либерал-юнионист¹¹.

Леди Брэнкнелл. Ну, это почти то же самое, что и тори¹², которые постоянно бывают у нас на обедах, – во всяком случае, на вечерах... Надеюсь, вы не разделяете взглядов радикалов?¹³

Джек. Я не поддерживаю теории классовой борьбы и против того, чтобы противопоставлять друг другу всякие расы да классы. Надеюсь, вы это имеете в виду, леди Брэнкнелл?

Леди Брэнкнелл. Пожалуй... Гм... Ваши родители живы?

Джек. Нет. Я потерял обоих родителей.

Леди Брэнкнелл. Обоих?.. Потерю одного из родителей еще можно рассматривать как трагедию, но потеря обоих, мистер Уординг, – это уже небрежность. Кем был ваш отец? Судя по всему, человеком со средствами. Принадлежал ли он, пользуясь языком радикальных газет, к сливкам торгового мира или же происходил из аристократической семьи?

Джек. Боюсь, что не смогу ответить на этот вопрос. Я не совсем точно выразился, леди Брэнкнелл, сказав, что потерял родителей. Было бы вернее сказать, что родители потеряли меня... Так что я не знаю своего происхождения. Я... словом, я найденыш.

Леди Брэнкнелл. Найденыш!

Джек. Меня нашел покойный мистер Томас Кардью, весьма добросердечный и щедрый джентльмен. Он дал мне фамилию Уординг, потому что у него в кармане в тот момент был билет первого класса до Уординга. Это городок в графстве Суссекс. Морской курорт.

¹⁰ Площадь в аристократическом районе Лондона.

¹¹ То есть член группировки, отколовшейся от либеральной партии и выступавшей против предоставления Ирландии самоуправления.

¹² Политическая партия в Великобритании, существовавшая с 17 по 19 вв. и представлявшая интересы крупных землевладельцев; предшественница современной партии консерваторов.

¹³ *Радикалы* – сторонники радикализма, политического течения, подвергавшего критике существовавшую систему; члены радикальной партии настаивали на необходимости радикальных преобразований и реформ. Радикалы – предшественники современных социалистов. В широком смысле, радикалы – сторонники решительных и даже насильственных действий.

Леди Брэнкнелл. И где же вас нашел этот добросердечный джентльмен с билетом первого класса до Уординга?

Джек (*серьезно*). В саквояже.

Леди Брэнкнелл. В саквояже?

Джек (*еще серьезнее*). Да, леди Брэнкнелл. Я был найден в саквояже, довольно большом черном кожаном саквояже с ручками, – словом, в самом обыкновенном саквояже.

Леди Брэнкнелл. И где же именно этот мистер Джеймс... или, как его там, Томас Кардью нашел этот обыкновенный саквояж с ручками?

Джек. В камере хранения на железнодорожном вокзале Виктория. Ему выдали этот саквояж по ошибке вместо его собственного.

Леди Брэнкнелл. В камере хранения на вокзале Виктория?

Джек. Да, на Брайтонской платформе.

Леди Брэнкнелл. Платформа не имеет значения. Мистер Уординг, должна вам признаться, я несколько смущена тем, что вы мне только что сообщили. Родиться или пусть даже быть найденным в саквояже, независимо от того, были ли у того ручки или их не было, представляется мне попранием всех правил приличия, относящихся к семейной жизни. Это напоминает мне худшие эксцессы времен Французской революции. Я полагаю, вам известно, к чему привел этот злополучный мятеж! А что касается места, где был найден саквояж, то, хотя камера хранения вокзала и может служить местом, где сохраняются в тайне факты нарушения общественной морали – а для этого ее использовали, я полагаю, немало раз, – едва ли она может обеспечить прочное положение в обществе.

Джек. В таком случае, что вы мне посоветуете делать? Не сомневайтесь, я готов на все, лишь бы обеспечить счастье Гвендолен.

Леди Брэнкнелл. Я бы вам очень рекомендовала, мистер Уординг, как можно скорее обзавестись родственниками и во что бы то ни стало постараться заполучить хотя бы одного из родителей, все равно – мать или отца, причем вы должны успеть это сделать еще до окончания сезона.

Джек. Право, я даже не знаю, как за это взяться. Вот саквояж я могу заполучить в любую минуту. Он у меня в гардеробной, в деревне. Может быть, этого вам будет достаточно, леди Брэнкнелл?

Леди Брэнкнелл. Мне, сэр?! Какое это имеет ко мне отношение? Неужели вы воображаете, что мы с лордом Брэнкнеллом допустим, чтобы наша единственная дочь – девушка, на воспитание которой положено столько забот, – была отдана замуж за вещьевой склад и обручена с саквояжем? (*Джек делает возмущенный жест.*) Будьте любезны, откройте мне дверь. Надеюсь, вы понимаете, что впредь между вами и мисс Ферфакс не может быть ничего общего.

Леди Брэнкнелл, исполненная негодования, величаво выплывает из комнаты. Слышно, как **Алджернон** начинает играть свадебный марш. **Джек** в бешенстве бросается к двери в музыкальную комнату.

Джек. Бога ради, Алджи, прекрати играть этот идиотский марш! Ты ведешь себя неприлично!

Музыка замолкает и появляется улыбающийся **Алджернон**.

Алджернон. Разве у тебя не вышло, старина? Ты хочешь сказать, Гвендолен тебе отказала? С ней это бывает. Она всем отказывает. Такой уж у нее несносный характер.

Джек. В том-то и дело, что с Гвендолен все в порядке. Если говорить о Гвендолен, мы с ней можем считать себя помолвленными. Но ее мамаша – вот в чем загвоздка. Никогда не встречал подобной Горгоны...¹⁴ Я толком не знаю, что это такое, но абсолютно уверен, что леди

¹⁴ *Горгоны* – в древнегреческой мифологии, крылатые женщины-чудовища, от взгляда которых все живое превращалось в камень.

Брэнкнелл – типичная Горгона. Во всяком случае, она чудовище, и вовсе не мифическое, а это, пожалуй, ужаснее всего... Извини, Алджернон, я не должен говорить подобные вещи о твоей родной тетке, по крайней мере в твоём присутствии.

Алджернон. Дорогой мой, я обожаю, когда оскорбляют моих родных. Это единственное, что помогает мне мириться с их существованием. Родственники – скучнейший народ на свете: они понятия не имеют ни о том, как жить, ни о том, когда умирать.

Джек. Увы, у меня нет родственников. И мне трудно понять, что это такое.

Алджернон. Счастливый ты человек, Джек! Родственники – это люди, которые никогда не дают в долг и в то же время не отдают тебе должное, будь ты величайший из гениев. Ты чувствуешь себя в их среде, как в толпе, только они еще агрессивнее.

Джек. Какая разница, в конце концов, были у человека отец с матерью или не были! Матери, правда, народ неплохой. Они оплачивают наши счета и не суют нос в наши дела. А вот отцы суют нос в наши дела и никогда не платят по нашим счетам. Я не знаю в клубе ни одного человека, который бы разговаривал со своим отцом.

Алджернон. Верно, отцы сейчас не очень-то популярны. *(Берет вечернюю газету.)*

Джек. Популярны! Да я готов держать пари, что из всех наших знакомых ты не назовешь ни одного, кто хоть иногда прогуливался бы по Сент-Джеймс-стрит со своим отцом. *(Пауза.)* Ну и что там в газетах?

Алджернон *(продолжает читать)*. Ничего.

Джек. Это утешает.

Алджернон. На мой взгляд, в газетах вообще никогда ничего не бывает.

Джек. А мне кажется, что, напротив, в них чересчур много лишнего. Они вечно забивают голову никому не нужными подробностями о тех, кого ты совершенно не знаешь, с кем лично ты не знаком и до кого тебе и дела нет никакого. Газеты, как правило, и в руки противно брать.

Алджернон. Ну а меня люди, с которыми я не знаком, всегда очаровывают. Как раз сейчас меня интересует девушка, с которой я не знаком, – ужасно интересно!

Джек. Что за чепуху ты говоришь!

Алджернон. Это вовсе не чепуха.

Джек. Я не намерен с тобой пререкаться. Ты всегда готов спорить о чем угодно.

Алджернон. «Что угодно» для того и существует, чтобы о нем спорили.

Джек. Ну, знаешь ли, если бы и я так считал, то мне впору было бы застрелиться... *(Пауза.)* А ты не думаешь, Алджи, что лет этак через полтора Гвендолен станет копией своей матери?

Алджернон. Все женщины становятся похожи на своих матерей. В этом их трагедия. Но ни один мужчина не бывает похож на свою мать. А в этом его трагедия.

Джек. Ты думаешь, это остроумно?

Алджернон. Во всяком случае великолепно сформулировано и настолько же верно, насколько верен любой афоризм в наш цивилизованный век.

Джек. Я по горло сыт остроумием. Теперь все стали умниками. Шагу не ступишь, чтобы не встретить умного человека. Это становится национальным бедствием. Ах, если бы у нас осталась хоть парочка дураков. Увы, ни одного не найдешь.

Алджернон. Почему же, они есть. И сколько угодно.

Джек. Хотел бы познакомиться с ними. О чем, интересно, они говорят?

Алджернон. Дураки, что ли? Разумеется, об умных людях.

Джек. Для этого надо быть окончательными идиотами!

Алджернон. А кстати, ты сказал Гвендолен правду о том, что в Лондоне ты Эрнест, а в деревне – Джек?

Джек *(покровительственным тоном)*. Дорогой мой, правда – это не совсем то, что говорят милой, очаровательной, утонченной девушке. У тебя превратные представления о том, как вести себя с женщиной!

Алджернон. Единственный способ вести себя с женщиной – это ухаживать за ней, если она

хорошенькая, или за другой, если некрасива.

Джек. Чепуха какая!

Алджернон. А как ты думаешь поступить с той юной леди, чьим опекуном ты являешься? С мисс Кардью? И с твоим братцем? С этим непутевым Эрнестом?

Джек. С Сесили проблем у меня не будет. Ну, а с братом... Не пройдет и недели, как я от него избавлюсь. Думаю, лучше всего с ним покончить в Париже.

Алджернон. Почему именно в Париже?

Джек. Просто меньше мороки – и с похоронами, и с другими делами... Да, решено, я его умертвлю в Париже... А умрет он, скажем... от апоплексического удара. Выглядит очень правдоподобно – тысячи людей умирают от апоплексического удара, причем скоростно, разве не так?

Алджернон. Да, но это наследственная штука, мой друг. Она культивируется в семьях веками.

Джек. Боже милостивый! В таком случае апоплексический удар отпадает. На чем же мне остановиться?

Алджернон. Ну, скажем, на гриппе.

Джек. О нет! Это звучит совсем уж неправдоподобно. Слишком многие болеют гриппом.

Алджернон. Слава Богу, выбор у тебя большой. Возьмем, например, острую простуду. По моему, очень подходит.

Джек. А ты уверен, что острая простуда – болезнь не наследственная и что мне как ближайшему родственнику она не грозит какими-нибудь ужасными последствиями?

Алджернон. Абсолютно уверен.

Джек. Что ж, в таком случае, решено.

Алджернон. Но ты ведь, кажется, сказал, что... мисс Кардью слишком уж интересуется твоим бедным братцем Эрнестом? Не слишком ли тяжело она перенесет такую утрату?

Джек. Не вижу в этом особых проблем. Сесили, смею тебя уверить, не какая-то там мечтательная дурочка. У нее превосходный аппетит, она любит совершать продолжительные прогулки пешком, и ее никак не назовешь примерной ученицей.

Алджернон. Мне бы очень хотелось увидеть Сесили.

Джек. Сделаю все, чтобы этого не допустить. И ты не должен называть ее Сесили – даже упоминая в разговоре.

Алджернон. Я начинаю думать, что она попросту некрасива. Да, скорее всего, так и есть. Нетрудно догадаться, что она собой представляет – этакая пресная, интеллектуальная особа, которых сейчас встречаешь на каждом шагу. У этих девиц огромные знания и огромный размер ноги. Уверен, что она не просто некрасива, а безобразна и что ей по меньшей мере лет эдак под сорок, а выглядит она и того старше.

Джек. Она чрезвычайно хорошенькая, и ей всего только восемнадцать.

Алджернон. А ты уже сказал Гвендолен, что ты опекун чрезвычайно хорошенькой девушки, которой всего только восемнадцать?

Джек. Такие вещи не выбалтывают с бухты-барахты. Тут нужно проявлять большой такт. К такого рода вещам нужно подготавливать постепенно. Уверен, что Сесили и Гвендолен подружатся. Готов биться об заклад, что не пройдет и получаса после их знакомства, как они будут называть друг друга сестрами.

Алджернон. Женщины приходят к этому не сразу, а лишь после того, как обзовут друг друга всеми мыслимыми и немыслимыми именами. Ну хорошо, мой друг, нам пора переодеться. Иначе мы не получим приличного столика у Виллиса. Ведь уже скоро семь.

Джек (с некоторым раздражением). У тебя вечно «скоро семь».

Алджернон. И я ужасно хочу есть.

Джек. А когда ты не хочешь есть?.. Ну хорошо, сначала я заеду к себе в Олбани, а в восемь мы встречаемся у Виллиса.

Алджернон. А что будем делать после обеда? Пойдем в театр?

Джек. О нет! Терпеть не могу долго слушать.

Алджернон. Тогда, значит, в клуб?

Джек. О нет! Не выношу болтовни.

Алджернон. В таком случае, отправимся к десяти в мюзик-холл «Эмпайр»?

Джек. О нет! Ненавижу глазеть на идиотские кривляния.

Алджернон. Чем же тогда займемся?

Джек. Ничем.

Алджернон. Заниматься ничем – тяжкий труд. Но я не против хорошо потрудиться, если только знать зачем...

Входит **Лейн**.

Лейн. Мисс Ферфакс.

Входит **Гвендолен**. **Лейн** уходит.

Алджернон. Гвендолен! Какая неожиданность!

Гвендолен. Алджи, повернись, пожалуйста, к нам спиной. Мне нужно кое-что сказать мистеру Уордингу. И поскольку это личный вопрос, ты, не сомневаюсь, будешь подслушивать.

Алджернон. Знаешь, Гвендолен, я не уверен, что могу позволить тебе решать личные вопросы в моем присутствии.

Гвендолен. Алджи, у тебя слишком аморальные взгляды на жизнь. Ты еще слишком молод для этого.

Алджернон отходит к камину.

Джек. Любимая!

Гвендолен. Эрнест, может статься, мы никогда не поженимся. Судя по выражению маминого лица, этому ни за что не бывать. Теперь родители вовсе не считаются с тем, что говорят им дети. Былое уважение к молодым стремительно отмирает. Какое-либо влияние на маму я утратила еще в трехлетнем возрасте. Но даже в том случае, если она помешает нам стать мужем и женой и мне придется выйти за другого, а потом выходить еще много раз, – ничто не сможет погасить моей к вам вечной любви!

Джек. О Гвендолен, дорогая!

Гвендолен. История вашего романтического происхождения, которую мама рассказала мне с самыми ужасными комментариями, потрясла меня до глубины души. Ваше имя притягивает меня с еще большей силой. А ваша простодушная наивность для меня просто непостижима. Ваш лондонский адрес в Олбани у меня есть. Теперь назовите адрес вашего загородного дома.

Джек. Мэнор-Хаус, Вултон, Хартфордшир.

Алджернон, который все это время внимательно прислушивался к разговору, удовлетворенно улыбается и записывает адрес на манжете. Затем берет со стола железнодорожное расписание.

Гвендолен. Надеюсь, почтовая связь у вас там налажена. Возможно, нам придется прибегнуть к отчаянным мерам. Это, конечно, потребует серьезного обсуждения. Я буду вам писать ежедневно.

Джек. Единственная моя!

Гвендолен. Сколько вы еще пробудете в Лондоне?

Джек. До понедельника.

Гвендолен. Прекрасно! Алджи, можешь теперь повернуться.

Алджернон. Спасибо, но я уже и так повернулся.

Гвендолен. Можешь также позвонить.

Джек. Вы позволите проводить вас до экипажа, дорогая моя?

Гвендолен. Ну конечно.

Джек (*вошедшему Лейну*). Я провожу мисс Ферфакс.

Лейн. Да, сэр.

Джек и **Гвендолен** уходят. **Лейн** подходит к **Алджернону** с несколькими письмами на подносе. Видимо, это счета, потому что **Алджернон**, взглянув на конверты, рвет их.

Алджернон. Стакан хереса, Лейн.

Лейн. Слушаю, сэр.

Алджернон. Завтра, Лейн, я отправляюсь банберировать.

Лейн. Да, сэр.

Алджернон. Скорее всего, не вернусь до понедельника. Уложите одежду, смокинг и все для поездки к мистеру Банбери.

Лейн. Слушаю, сэр. (*Подает херес.*)

Алджернон. Надеюсь, завтра будет хорошая погода, Лейн.

Лейн. Погода никогда не бывает хорошей, сэр.

Алджернон. Лейн, вы законченный пессимист.

Лейн. Стараюсь по мере сил, сэр.

Входит **Джек**. **Лейн** уходит.

Джек. Какая разумная, здравомыслящая девушка! Единственная девушка в моей жизни, которую я по-настоящему полюбил. (*Алджернон хохочет.*) Что это ты так веселишься?

Алджернон. Просто беспокоюсь о здоровье бедного мистера Банбери.

Джек. Если ты вовремя не остановишься, Алджи, у тебя из-за твоего дружка Банбери могут быть серьезные неприятности!

Алджернон. Обожаю серьезные неприятности. Единственная несерьезная вещь на свете – это серьезные неприятности.

Джек. Какая чепуха, Алджи! От тебя только и слышишь одну чепуху.

Алджернон. А от кого ты слышишь другое?

Джек бросает на него негодующий взгляд и выходит. **Алджернон** закуривает папиросу, читает адрес на манжете и улыбается.

Занавес

Действие второе

Сад в поместье мистера Уордига в Вултоне. Серая каменная лестница ведет к дому. Старомодный сад полон роз. Время года – июль. В тени большого тиса плетеные кресла, стол, заваленный книгами. **Мисс Призм** сидит за столом. **Сесили** в глубине сада поливает цветы.

Мисс Призм (*зовет*). Сесили, Сесили! Такое утилитарное занятие, как поливка цветов, – это скорее обязанность Моултона, чем ваша. Особенно сейчас, когда вас ожидают интеллектуальные наслаждения. Ваша немецкая грамматика на столе. Вам нужно открыть страницу пятнадцатую. Мы повторим вчерашний урок.

Сесили. А может быть, вы вместо меня дадите урок немецкого Моултону? Моултон!

Моултон (*широко улыбаясь, выглядывает из-за живой изгороди*). Да, мисс Сесили!

Сесили. Вам не хотелось бы знать немецкий, Моултон? Немецкий – это язык, на котором говорят в Германии.

Моултон (*качает головой*). Я не шибко-то люблю всякие чужеземные языки, мисс. (*По-*

читательно кланяется мисс Призм.) Не в обиду будь вам сказано, мэм. *(Снова исчезает за изгородью.)*

Мисс Призм. Так дело не пойдет, Сесили. Сейчас же откройте вашего Шиллера.

Сесили *(медленно, с неохотой подходит)*. Но я ненавижу немецкий. Ужасно несимпатичный язык. Я уверена, что после каждого урока немецкого я выгляжу подурневшей.

Мисс Призм. Дитя мое, вы ведь знаете, как вашего опекуна заботит, чтобы вы получили всестороннее образование. Уезжая вчера в Лондон, он особо подчеркнул важность изучения немецкого языка. Да и всегда, уезжая в Лондон, он подчеркивает именно это.

Сесили. Дорогой дядя Джек у нас очень серьезный! Такой серьезный, что иногда закрадывается подозрение – а вдруг он не вполне здоров?

Мисс Призм *(распрямляется и говорит наставительным тоном)*. Ваш опекун в превосходном здравии, и строгость поведения весьма похвальна в таком сравнительно молодом человеке. Я не знаю никого, кто превосходил бы его сознанием своего долга и ответственности.

Сесили. Может быть, поэтому ему и бывает скучно, когда мы втроем?

Мисс Призм. Сесили, вы меня удивляете! У мистера Уординга очень много забот, и ему не до пустых, легкомысленных разговоров. Не забывайте также, сколько огорчений доставляет ему этот несчастный молодой человек, его младший брат.

Сесили. Вот было бы здорово, если бы дядя Джек позволил этому несчастному молодому человеку, его младшему брату, хоть иногда приезжать к нам. Мы бы на него влияли самым положительным образом, мисс Призм. Во всяком случае вы так уж точно. Вы знаете немецкий и геологию, а такие вещи очень сильно влияют на молодых людей.

Сесили начинает что-то записывать в своем дневнике.

Мисс Призм *(качает головой)*. Не думаю, чтобы даже я смогла бы повлиять на человека, который, по словам его собственного брата, обладает таким безнадежно слабым и неустойчивым характером. Да я и не уверена, что взялась бы за его перевоспитание. Я не одобряю этой современной мании в один миг превращать плохих людей в хороших. Что человек посеет, пусть то и пожнет.

Сесили. Мне трудно представить, чтобы такие, как он, что-то сеяли, мисс Призм. А если бы даже и сеяли, почему их за это наказывать? Ах, почему в этом мире так любят наказывать?! Возьмем тот же немецкий – это сущее наказание! Все немецкий да немецкий – слишком много немецкого! Вы и сами говорили, что немцев стало чересчур много и Германия перенаселена.

Мисс Призм. Но это еще не причина, почему вы должны делать записи в своем дневнике, вместо того чтобы переводить «Вильгельма Телля». Отложите-ка дневник в сторону, Сесили. Я вообще не понимаю, зачем вам понадобилось заводить дневник.

Сесили. Дневник мне нужен, чтобы заносить в него чудесные тайны, которые есть в моей жизни. Если бы я их не записывала, наверно, я забывала бы про них.

Мисс Призм. Память, моя милая Сесили, – вот тот дневник, который мы постоянно носим с собой и которого нам должно быть более чем достаточно.

Сесили. Да, но в памяти обычно откладываются вещи, которые на самом деле не происходили и даже не могли бы произойти. Мне кажется, именно из памяти берутся сюжеты для всех этих трехтомных романов, которые присылает нам Мьюди¹⁵.

Мисс Призм. Не говорите так пренебрежительно о трехтомных романах, Сесили. Я и сама в молодости написала трехтомный роман.

Сесили. Правда, мисс Призм? Какая вы умная! Надеюсь, в нем был не счастливый конец? Я не люблю романов со счастливым концом. Они приводят меня в уныние.

Мисс Призм. Для хороших людей все там заканчивалось счастливо, для плохих – несчастливо. Это и называется беллетристикой.

¹⁵ Название книжного магазина и библиотеки в Лондоне – по имени Чарлза Э. Мьюди (1818–1890), английского издателя, владельца магазина и библиотеки.

Сесили. Может быть, вы и правы, но это ужасно несправедливо по отношению к этим людям... А был ли ваш роман напечатан?

Мисс Призм. Увы, нет. Рукопись, к несчастью, была брошена на произвол судьбы. (*Сесили смотрит на нее с удивлением.*) Я имею в виду – утрачена, потеряна... А теперь за работу, дитя мое; хватит пустых разговоров.

Сесили (*улыбаясь*). Но я вижу – к нам по садовой дорожке приближается доктор Чезьюбл.

Мисс Призм (*встает и идет ему навстречу*). Доктор Чезьюбл! Какой приятный сюрприз!

Входит каноник **Чезьюбл**.

Чезьюбл. Ну, как мы сегодня поживаем? Надеюсь, мисс Призм, вы в добром здравии?

Сесили. Мисс Призм только что жаловалась на головную боль. Я думаю, ей стало бы легче, если бы она прогулялась с вами по парку, доктор Чезьюбл.

Мисс Призм. Но, Сесили, я вовсе не жаловалась на головную боль.

Сесили. Да, я знаю, дорогая мисс Призм, но я инстинктивно почувствовала, что у вас болит голова. Когда вошел доктор Чезьюбл, я как раз думала об этом, а не об уроке немецкого языка.

Чезьюбл. Надеюсь, Сесили, вы достаточно внимательны на уроках?

Сесили. Боюсь, что не очень.

Чезьюбл. Меня это удивляет. Если бы мне посчастливилось быть учеником мисс Призм, с каким наслаждением я пил бы с ее уст. (*Мисс Призм устремляет на него негодующий взгляд.*) Я говорю, разумеется, метафорически, и моя метафора заимствована из мира пчел – я лишь несколько изменил устойчивое выражение «вашиими устами да мед бы пить»... Гм... Мистер Уординг, я полагаю, еще не вернулся из города?

Мисс Призм. Мы ждем его не раньше понедельника.

Чезьюбл. Ах, да, он ведь предпочитает проводить воскресные дни в Лондоне. Не в пример его несчастному младшему брату, он не из тех, для кого единственная цель – развлечения. Но не буду больше мешать Эгерии¹⁶ и ее ученице.

Мисс Призм. Но я не Эгерия, а Летиция, доктор.

Чезьюбл (*кланяясь*). Всего лишь классическая аллюзия¹⁷; заимствована из языческих авторов. Хочу надеяться, что увижу вас обеих на вечерней службе.

Мисс Призм. Пожалуй, дорогой доктор, я все-таки прогуляюсь с вами. Голова у меня действительно побаливает, и прогулка пешком мне может помочь.

Чезьюбл. Буду рад, мисс Призм, чрезвычайно рад. Мы можем дойти до школы, а потом вернуться обратно.

Мисс Призм. Чудесно! А вы, Сесили, в мое отсутствие будете читать свой урок по политической экономии. Главу о падении курса рупии можете опустить. Она имеет слишком сенсационный характер. Даже в сугубо финансовых проблемах есть своя мелодраматическая сторона.

Чезьюбл. По политической экономии, Сесили? Просто поразительно, как образованны современные девушки! Надо полагать, вы разбираетесь и в отношениях между капиталом и наемным трудом?

Сесили. Боюсь, я не настолько образованна. Я разбираюсь лишь в отношениях между капиталом и праздностью – и то на основании своего собственного опыта. Поэтому я не верю во все эти теории.

Мисс Призм. Боже мой, Сесили, от ваших слов пахнет социализмом! А вы должны знать, к чему может привести социализм!

¹⁶ Эгерия – по древнеримским преданиям, нимфа, обладавшая даром провидения, жена римского царя Нумы Помпилия, который руководствовался ее советами; отсюда в переносном смысле – вдохновительница, советчица.

¹⁷ Аллюзия – ссылка на устойчивое понятие, слово или словосочетание литературного, исторического или мифологического характера.

Сесили. Да, знаю, мисс Призм. Он может привести к тому, что все начнут одеваться просто и рационально. А если женщина начнет одеваться рационально, то к ней и относиться будут как к рациональному существу. Уж этого она, по крайней мере, заслуживает.

Чезьюбл. Какая своенравная, но очаровательная у вас ученица!

Мисс Призм (*улыбаясь*). Иногда чересчур своенравная.

Чезьюбл. Такому своенравию можно лишь позавидовать.

Уходит по садовой дорожке вместе с **мисс Призм**.

Сесили (*берет одну книгу за другой и бросает их вновь на стол*). Ненавижу политическую экономию! Ненавижу географию! Ненавижу, ненавижу немецкий язык!

Входит **Мерримен** с визитной карточкой на подносе.

Мерримен. Мистер Эрнест Уординг. Только что прибыл со станции. Он с чемоданами, мисс.

Сесили (*берет карточку и читает*). «Мистер Эрнест Уординг, Б-4, Олбани, Уэст-Энд». Это же брат дяди Джека! Вы ему сказали, что мистер Уординг в Лондоне?

Мерримен. Да, мисс. Он, по-видимому, очень огорчился. Я сообщил ему, что вы с мисс Призм в саду. Он сказал, что ему нужно сказать вам несколько слов с глазу на глаз.

Сесили (*обращаясь сама к себе*). Вряд ли мисс Призм понравилось бы, что я беседую с ним с глазу на глаз. Так что лучше пригласить его сразу, прежде чем она возвратится. (*Мерримену.*) Просите мистера Эрнеста Уординга в сад. Думаю, вам надо сказать экономке, чтобы она приготовила для него комнату.

Мерримен. Я уже распорядился, чтобы его багаж отнесли в «голубую комнату», мисс, — рядом с комнатой мистера Уординга.

Сесили. Что ж, прекрасно. (*Мерримен уходит.*) Ни разу не приходилось встречаться с беспутным человеком, да еще с глазу на глаз! Мне даже страшно — а вдруг он окажется самым обыкновенным, таким же, как все. (*Входит жизнерадостно улыбающийся Алджернон.*) Какой ужас! Он действительно такой же, как все!

Алджернон (*приподнимает шляпу*). Так вы и есть моя маленькая кузина Сесили?

Сесили. Вас ввели в заблуждение. Я вовсе не маленькая. Напротив, для своих лет я даже очень высокая. (*Алджернон несколько ошарашен.*) Но я и в самом деле ваша кузина Сесили. А вы, судя по визитной карточке, брат дяди Джека, кузен Эрнест — мой беспутный кузен Эрнест.

Алджернон. Но я не такой уж беспутный, кузина Сесили. Пожалуйста, не думайте, что я такой.

Сесили. Если это действительно так, то вы самым непростительным образом вводили нас в обман. Надеюсь, вы не ведете двойной жизни, прикидываясь беспутным, но будучи на самом деле добродетельным? Это было бы недостойным джентльмена лицемерием.

Алджернон (*смотрит на нее с изумлением*). Ах, ну да! Конечно, я частенько поступал легкомысленно.

Сесили. Рада это слышать.

Алджернон. Раз уж вы заговорили об этом, придется сознаться, что я и в самом деле крайне беспутный человек, насколько мне это удастся.

Сесили. Не думаю, что вам следует уж очень гордиться этим, хотя уверена, что такой образ жизни доставляет вам удовольствие.

Алджернон. Для меня гораздо большее удовольствие — быть рядом с вами, здесь.

Сесили. Я вообще не пойму, как вы здесь оказались. Дядя Джек телеграфировал вам вчера на ваш адрес в Олбани, что он встретится с вами в последний раз в шесть часов. Он разрешает мне читать все телеграммы, которые вам посылает. Я помню некоторые из них наизусть.

Алджернон. Дело в том, что я получил телеграмму слишком поздно. Я тут же бросился в клуб, но там его уже не было. Швейцар сказал мне, что, насколько он знает, мой брат отправился

сюда, к себе в поместье. Ну, и я, конечно, поехал вслед за ним, поскольку знал, что он меня хочет видеть.

Сесили. Но дяди Джека не будет до понедельника.

Алджернон. Очень жаль. В понедельник я буду вынужден первым же поездом вернуться в Лондон. У меня там деловая встреча, и мне очень хотелось бы... ее избежать.

Сесили. А разве нельзя ее избежать где-нибудь в другом месте, кроме Лондона?

Алджернон. Но встреча-то назначена в Лондоне.

Сесили. Я, конечно, понимаю, как важно не являться на деловые встречи, если хочешь сохранить ощущение красоты и полноты жизни, но все-таки вам лучше дождаться приезда дяди Джека. Насколько я знаю, он хотел поговорить с вами насчет вашей эмиграции.

Алджернон. Насчет чего?

Сесили. Вашей эмиграции. Он поехал покупать вам костюм и все необходимое в дорогу.

Алджернон. Вот уж кому не доверил бы покупать мне костюм, так это Джеку. Он не способен выбрать даже галстук.

Сесили. Но вам едва ли понадобится галстук. Ведь дядя Джек отправляет вас в Австралию.

Алджернон. В Австралию?! Лучше уж на тот свет!

Сесили. В среду за обедом он так и сказал, что вам предстоит выбирать между этим светом, тем светом и Австралией.

Алджернон. Ах, вот оно что! Но сведения, которыми я располагаю об Австралии и том свете, меня не очень-то вдохновляют. Меня, кузина Сесили, вполне устраивает и этот свет.

Сесили. Да, но достаточно ли вы хороши для этого света?

Алджернон. Боюсь, что нет. Поэтому я и хочу, чтобы вы взяли за мое перевоспитание. Это могло бы стать вашей миссией в жизни – конечно, если вы ничего не имеете против, кузина Сесили.

Сесили. Как вы смеете навязывать мне какую-то миссию в жизни?!

Алджернон. Прошу прощения, но мне казалось, что у каждой женщины в наши дни должна быть миссия в жизни.

Сесили. У «синего чулка»¹⁸ – может быть, но только не у женщины. Кроме того, у меня не будет сегодня времени на ваше перевоспитание.

Алджернон. Но вы не станете возражать в таком случае, если я сам сегодня перевоспитаюсь?

Сесили. Это уже похоже на донкихотство, хотя почему бы и не попробовать?

Алджернон. Обязательно попробую. Я уже и сейчас чувствую, что стал лучше.

Сесили. А выглядите хуже.

Алджернон. Это потому, что я голоден.

Сесили. Ах, как это невнимательно с моей стороны! Я могла бы и сама догадаться, что, если человек решил возродиться для новой жизни, он нуждается в усиленном и регулярном питании. Мы с гувернанткой обедаем в два как правило жареной бараниной.

Алджернон. Боюсь, для меня это жирновато.

Сесили. Здоровье дяди Джека, который каждый раз, бывая у вас в Лондоне, слишком поздно ложится, увы, не на шутку подорвано, и его лондонский врач предписал ему принимать ровно в двенадцать бутерброды с печеночным паштетом и шампанское урожая 1889 года. Уж не знаю, подойдет ли вам такая диета.

Алджернон. О, это меня вполне устраивает, особенно шампанское 89-го года.

Сесили. Приятно слышать, что у вас столь простые вкусы. Прошу вас в столовую.

Алджернон. Благодарю вас. Но можно я сначала выберу себе бутоньерку? Без бутоньерки в петлице я никогда не получаю удовольствия от еды.

Сесили. Может быть, Маршалль Ниель?¹⁹ (*Берется за ножницы.*)

¹⁸ «Синий чулок» – сухая, лишенная женственности, поглощенная чересчур высокими материями женщина.

¹⁹ Сорт чайной розы белого или кремового цвета.

Алджернон. Нет, лучше розовую.

Сесили. Почему именно ее? (*Срезает розу.*)

Алджернон. Потому что вы сами как эта роза, кузина Сесили.

Сесили. Я думаю, вам не следует говорить мне такие слова. Мисс Призм никогда мне такого не говорит.

Алджернон. В таком случае мисс Призм – просто близорукая старая гувернантка. (*Сесили вдевает розу ему в петлицу.*) Вы самая красивая девушка, какую мне когда-либо приходилось встречать.

Сесили. Мисс Призм говорит, что красота – это ловушка.

Алджернон. Ловушка, в которую с радостью попался бы любой, у кого есть голова на плечах.

Сесили. Но я вовсе не хотела бы поймать в ловушку человека с головой на плечах. Я не знала бы, о чем с ним говорить.

Они входят в дом. Возвращаются **мисс Призм** и доктор **Чезьюбл**.

Мисс Призм. Вы слишком одинокий человек, дорогой доктор Чезьюбл. Вам следовало бы жениться. Мизантроп – это я еще понимаю, но женотропа²⁰ понять я отказываюсь.

Чезьюбл (*как ученый он потрясен*). Поверьте, я не заслуживаю такого неологизма... И теория, и практика христианской церкви первых веков решительно отвергали институт брака.

Мисс Призм (*поучительным тоном*). Потому-то христианская церковь первых веков и не дожила до наших дней. И вы, кажется, не отдаете себе отчета, дорогой доктор, что, упорно оставаясь холостым, мужчина навсегда обрекает себя на роль своего рода приманки в глазах общества. Мужчинам следует быть осмотрительнее, слабых духом безбрачие способно сбить с пути истинного.

Чезьюбл. Но разве женатый мужчина не равным образом привлекателен в глазах общества?

Мисс Призм. Женатый мужчина привлекателен только в глазах своей жены.

Чезьюбл. Увы, и в ее глазах не всегда, как мне не раз говорили.

Мисс Призм. Это зависит от интеллектуальных предпочтений женщины. Зрелый возраст в этом смысле всего надежнее. Спелый плод никогда не обманывает надежд. А молодые женщины – это зеленый плод. (*Доктор Чезьюбл удивленно поднимает брови.*) Я говорю в переносном смысле. Моя метафора почерпнута из садоводческой области... Но где же Сесили?

Чезьюбл. Может быть, она пошла вслед за нами и еще не вернулась?

Из глубины сада медленно появляется **Джек**. Он облачен в глубокий траур, на шляпе лента из крепа, на руках черные перчатки.

Мисс Призм. Мистер Уординг!

Чезьюбл. Мистер Уординг!

Мисс Призм. Какой сюрприз! А мы ждали вас не раньше понедельника.

Джек (*с трагическим выражением лица жмет руку мисс Призм*). Да, я вернулся ранее, чем предполагал. Доктор Чезьюбл, как поживаете?

Чезьюбл. Дорогой мистер Уординг! Надеюсь, это скорбное одеяние не является свидетельством какого-нибудь ужасного несчастья?

Джек. Мой бедный брат.

Мисс Призм. Новые долги и безрассудства?

Чезьюбл. По-прежнему в тенетах распутства и наслаждения?

Джек (*печально качает головой*). Скончался.

²⁰ *Женотроп* – ироническое словообразование по аналогии с «мизантропом»; мисс Призм употребляет этот изобретенный ею неологизм в значении «женоненавистник».

Чезьюбл. Ваш брат Эрнест умер?

Джек. Увы.

Мисс Призм. Какой для него урок! Надеюсь, это пойдет ему на пользу.

Чезьюбл. Смерть – наш общий удел, мисс Призм. Но мы не должны смотреть на нее как на кару Божью, а скорее как на промысл Божий. Без нее и сама жизнь не имела бы смысла... Мистер Уординг, приношу вам мои искренние соболезнования. Вас может утешать только то, что вы были для покойного столь великодушным и щедрым братом.

Джек. Бедный Эрнест! У него было так много недостатков, но какой это тяжелый, какой непереносимый удар.

Чезьюбл. Если б вы знали, как я вам сочувствую! Вы, полагаю, были рядом с ним в его последнюю минуту?

Джек. Нет. Он умер за границей, а точнее – в Париже. Вчера вечером пришла телеграмма от главного администратора Гранд-отеля.

Чезьюбл. В ней упоминалась причина смерти?

Джек. По-видимому, острая простуда.

Мисс Призм. Что посеешь, то и пожнешь.

Чезьюбл (*воздевая правую руку*). Милосердие, дорогая мисс Призм, милосердие! Никто из нас не совершенен. Я и сам подвержен простуде, особенно от сквозняков. А погребение состоится здесь?

Джек. Нет. Как выяснилось, перед самой кончиной он выразил желание быть похороненным в Париже.

Чезьюбл. В Париже! (*Качает головой.*) Боюсь, это не свидетельствует о том, что он стал серьезнее в последние минуты жизни. Вы, несомненно, хотели бы, чтобы о вашей семейной драме я упомянул в своей воскресной проповеди? (*Джек порывисто пожимает ему руку.*) Что ж, моя проповедь о манне небесной в пустыне пригодна для любого события – и радостного, и, как в данном случае, печального. (*Все вздыхают.*) Я читал эту проповедь на празднике урожая, при крещении, конфирмации, в час невзгод и в час ликования. В последний раз я произнес ее в соборе на молебствии со сбором пожертвований в пользу Общества предотвращения недовольства среди высших классов. Присутствовавший при этом епископ был поражен злободневностью некоторых моих аналогий.

Джек. Да, кстати! Вы, кажется, что-то сказали о крещении, не так ли, доктор Чезьюбл? Я полагаю, вы хорошо знаете этот обряд? (*Доктор Чезьюбл смотрит на него с большим удивлением.*) То есть я хочу сказать, вам ведь постоянно приходится крестить, разве не так?

Мисс Призм. К сожалению, в нашем приходе это одна из главных обязанностей пастора. Я часто беседовала на этот счет с малоимущими прихожанами. Но они, как видно, понятия не имеют, что такое бережливость и экономность.

Чезьюбл. Церковь никогда не отвергнет новорожденного младенца, каким и чьим бы он ни был, мисс Призм. У каждого ребенка есть своя искра Божья, и из каждого может получиться святой... Смею спросить, мистер Уординг, речь идет о каком-нибудь конкретном младенце? Ведь, насколько мне известно, брат ваш не был женат?

Джек. Не был, конечно.

Мисс Призм (*с горечью*). Люди, живущие ради одних наслаждений, обычно не женятся.

Джек. Речь идет не о младенце, дорогой доктор, хоть я и очень люблю детей. Нет! В данном случае я сам хотел бы подвергнуться обряду крещения, причем сегодня же, – конечно, если у вас нет более важных занятий.

Чезьюбл. Но, мистер Уординг, ведь вы наверняка уже крещены.

Джек. Я, по крайней мере, не помню, чтобы меня крестили.

Чезьюбл. Значит, у вас есть сомнения на этот счет?

Джек. Величайшие сомнения. Некоторые обстоятельства, связанные с моим рождением и первыми годами жизни, – обстоятельства, о которых сейчас не будем говорить, – приводят меня к мысли, что на меня в то время не обращали особого внимания. Во всяком случае, обо мне не заботились должным образом... Хотя, конечно, если это вас затруднит или вы считаете, что мне

уже поздно креститься...

Чезьюбл. Нет, нет, не думайте, что я из тех, кто отвергает возможность крещения не в младенческом возрасте. Окропление и даже погружение взрослых в купель было достаточно распространенной практикой христианской церкви первых веков.

Джек. Погружение? Вы же не хотите сказать, что...

Чезьюбл. Вам нечего опасаться, окропления будет вполне достаточно; более того, оно предпочтительно. Ведь погода у нас столь переменчива... В котором часу вы хотели бы подвергнуться обряду крещения?

Джек. Ну, я мог бы заглянуть к вам часов в пять, если вас это устроит.

Чезьюбл. Превосходно, просто превосходно! Как раз в это время я собираюсь совершить еще две подобные церемонии. Речь идет о близнецах, недавно родившихся у одного из ваших арендаторов. Я говорю о ломовом извозчике Дженкинсе, бедняга зарабатывает на жизнь тяжким трудом.

Джек. Меня не так уж прельщает перспектива креститься с младенцами, пусть даже и близнецами. Как бы самому не впасть в младенчество. Не лучше ли перенести на половину шестого?

Чезьюбл. Великолепно, просто великолепно! *(Вынимает часы.)* А теперь, мистер Уординг, позвольте мне покинуть сию обитель скорби. Я хотел бы просить вас не слишком склоняться под бременем безутешного горя. То, что представляется нам тяжелыми испытаниями, часто оказывается благодеянием Божиим, но только не в очевидной форме.

Мисс Призм. Мне лично данное благодеяние кажется на редкость очевидным.

Из дома выходит **Сесили**.

Сесили. Дядя Джек! Как хорошо, что вы вернулись. Но что за ужасный наряд! Прошу вас, пойдите переоденьтесь!

Мисс Призм. Сесили!

Чезьюбл. Дитя мое! Дитя мое неразумное!

Сесили приближается к **Джеку**, он со скорбным видом целует ее в лоб.

Сесили. Что случилось, дядя Джек? Да улыбнитесь же! У вас такой вид, точно вы страдаете зубной болью... а у меня ведь для вас чудесный сюрприз. Как вы думаете, кто сейчас сидит в нашей столовой? Представьте себе, ваш брат!

Джек. Кто, кто?

Сесили. Ваш брат Эрнест. Он приехал около получаса назад.

Джек. Что за чепуха! У меня нет никакого брата.

Сесили. Ну зачем вы так говорите?! Как бы плохо он ни поступал с вами в прошлом, он все равно остается вашим братом. Неужели вы можете быть настолько бессердечным, чтобы отречься от него? Я пойду позову его. И вы пожмете друг другу руки – обещайте мне, дядя Джек! *(Бежит в дом.)*

Чезьюбл. Какое радостное известие! Эта телеграмма из Парижа была, надо полагать, чьей-то жестокой шуткой. Кто-то хотел таким бессердечным образом подвергнуть ваши чувства испытанию.

Мисс Призм. Теперь, когда мы уже примирились с этой утратой, его внезапное возвращение к жизни причиняет мне особую боль.

Джек. Мой брат в столовой? Ничего не понимаю. Это полный абсурд!

Появляются, держась за руки, **Алджернон** и **Сесили**. Медленно идут к **Джеку**.

Джек. Боже праведный! *(Делает знаки Алджернону, чтобы тот убирался.)*

Алджернон. Дорогой братец Джон, я приехал из Лондона, чтобы сказать тебе, что очень

сожалею о всех причиненных тебе огорчениях и впредь намерен жить более праведной жизнью. (*Джек бросает на него испепеляющий взгляд и не принимает протянутой руки.*)

Чезьюбл (*обращаясь к мисс Призм*). Этот молодой человек не выглядит таким уж неисправимым. Мне кажется, он искренне раскаивается.

Мисс Призм. А мне эти внезапные превращения грешников в праведников не нравятся. Такие люди поступают как диссиденты. Им нехватает приверженности избранному с самого начала пути.

Сесили. Дядя Джек, вы ведь не отвергнете протянутую к вам руку родного брата?

Джек. Никакие силы не заставят меня принять его руку! Его приезд сюда – ужасно недостойный поступок. Он сам знает почему.

Сесили. Дядя Джек, будьте снисходительны. В каждом человеке есть что-то хорошее. Эрнест только что рассказывал мне о своем бедном больном друге мистере Банбери, которого ему приходится так часто навещать. Я уверена – не может быть совсем уж плохим человек, который отказывается от всех удовольствий Лондона, чтобы сидеть у одра больного.

Джек. Ах вот как! Он тебе рассказал о Банбери?

Сесили. Да, он рассказал мне о бедном Банбери и о плачевном состоянии его здоровья.

Джек. Уж этот мне Банбери! Я не желаю, чтобы он говорил с тобой о Банбери, да и вообще о чем бы то ни было. И без этого я видеть его не могу!

Чезьюбл. Мистер Уординг, провидению в силу неисповедимых причин было угодно неожиданно возвратить вам казалось бы навсегда утраченного брата, который, как это совершенно очевидно, больше всего желает помириться с вами. Так неужели вам не хотелось бы простить его и принять в свои объятия?!

Алджернон. Да, я признаю, что вся вина на моей стороне. И все-таки холодность братца Джона ранит меня в самое сердце. Я рассчитывал на более сердечный прием, особенно если учесть, что это мой первый приезд в родной дом.

Сесили. Дядя Джек, если вы не пожмете Эрнесту руку, я вас никогда не прощу!

Джек. Никогда не простишь?

Сесили. Никогда, никогда, никогда!

Джек. В таком случае деваться некуда. (*Пожимает руку Алджернону, в то же время сверля его уничтожающим взглядом.*) Ты, юный негодяй, чтобы духу твоего здесь не было, и чем скорее, тем лучше! Ты меня понял? Я не потерплю здесь твоего дурацкого банберирования!

Чезьюбл. Как радостно видеть такое искреннее примирение! Сегодня вы совершили прекрасный поступок, Сесили.

Мисс Призм. Не будем слишком поспешны в наших суждениях.

Входит **Мерримен**.

Мерримен. Я поместил вещи мистера Эрнеста в комнату рядом с вашей, сэр. Надеюсь, вы не возражаете?

Джек. Что, что?

Мерримен. Я говорю о чемоданах и других вещах мистера Эрнеста, сэр. Я внес его багаж в комнату рядом с вашей спальней и распаковал.

Джек. Его багаж?

Мерримен. Да, сэр. Три чемодана, дорожный несессер, две шляпные картонки и большую корзину с провизией.

Алджернон. Боюсь, я не могу себе позволить пробыть здесь больше недели – по крайней мере, на этот раз.

Мерримен (*Алджернону*). Прошу прощения, сэр, но вас хочет видеть какой-то пожилой джентльмен. Он только что приехал со станции в кебе. (*Протягивает на подносе визитную карточку.*)

Алджернон. Вы уверены, что меня?

Мерримен. Да, сэр.

Алджернон (*читает карточку*). Паркер и Грибзби, стряпчие. Первый раз о них слышу. Кто это еще такие?

Джек (*берет у Алджернона карточку*). Паркер и Грибзби... И в самом деле, кто они такие? А может быть, Эрнест, у них к тебе дело в связи с твоим другом Банбери? Может быть, Банбери решил написать завещание и хочет тебя сделать душеприказчиком? (*Мерримену.*) Пригласите.

Мерримен. Слушаю, сэр.

Мерримен уходит.

Джек. Эрнест, я ведь на прошлой неделе заплатил все твои долги, и ты меня клятвенно заверял, что больше неоплаченных счетов у тебя не осталось. Надеюсь, ты меня не обманывал?

Алджернон. У меня действительно нет никаких долгов, дорогой Джек. Благодаря твоей щедрости я никому не должен ни пенни, если не считать каких-то пустяков за галстуки.

Джек. Очень рад это слышать.

Входит **Мерримен**.

Мерримен. Мистер Грибзби.

Мерримен уходит. Входит **Грибзби**.

Грибзби (*обращаясь к доктору Чезьюблу*). Мистер Эрнест Уординг?

Мисс Призм (*кивая на Алджернона*). Мистер Эрнест Уординг – вот тот молодой человек.

Грибзби. Мистер Эрнест Уординг?

Алджернон. Да, это я.

Грибзби. Вы проживаете в Олбани, квартира Б-4?

Алджернон. Да, это мой адрес.

Грибзби. Мне очень жаль, сэр, но у меня на руках судебный приказ о вашем аресте и тюремном заключении на срок в двадцать дней за неуплату отелю «Савой» денежной суммы в 762 фунта 14 шиллингов 2 пенса.

Алджернон. О моем аресте и тюремном заключении?

Грибзби. Да, сэр.

Алджернон. Но это какое-то недоразумение! Я никогда не обедаю в «Савое» за свой собственный счет. Я всегда обедаю у Виллиса. Там гораздо дороже. Я не должен «Савою» ни пенни.

Грибзби. На документе значится, что 27 мая по вашему местожительству в Олбани вам лично в руки была вручена повестка в суд, а 5 июня, вследствие вашей неявки, судом было принято заочное решение в пользу истца, то есть владельцев отеля «Савой», являющихся нашими клиентами. После этого мы направили вам целых пятнадцать писем, но не получили ответа ни на одно из них. А посему, исходя из интересов наших клиентов, мы были вынуждены пойти на получение судебного приказа о заключении вас под стражу.

Алджернон. Под стражу! То есть что значит «под стражу»? Я не имею ни малейшего намерения уезжать отсюда. Я собираюсь пробыть здесь никак не меньше недели. В конце концов, я в гостях у своего брата. И если вы надеетесь, что я поеду с вами в Лондон прямо сейчас, едва успев сойти с лондонского поезда, вы очень сильно ошибаетесь.

Грибзби. Я всего лишь стряпчий и никогда не прибегаю к методам принуждения, тем более физического. Но я привез с собой судебного исполнителя, который ожидает в экипаже на улице, и должен сказать, что у него обширный и разносторонний опыт в такого рода делах. Поэтому мы всегда пользуемся его услугами. Однако не может быть сомнений, что вы предпочтете уплатить по счету.

Алджернон. Уплатить по счету? Каким образом, хотел бы я знать? Вам же не могло прийти в голову, что у меня есть деньги? Было бы наивно так думать. У настоящего джентльмена никогда не бывает денег.

Грибзби. Мой опыт подсказывает, что в таких случаях обычно платят родственники.

Алджернон. Видимо, Джек, придется тебе взять оплату счетов на себя.

Джек. Будьте любезны, мистер Грибзби, позвольте взглянуть на статьи расходов... (*Перелистывает пухлую подшивку счетов.*) 762 фунта 14 шиллингов 2 пенса с октября прошлого года... Должен сказать, что мне еще не приходилось сталкиваться с таким безрассудным транжирством. (*Протягивает подшивку доктору Чезьюблу.*)

Мисс Призм. 762 фунта на одни только трапезы! Молодой человек, который ест так много и часто, безнадежно потерян для общества.

Чезьюбл. Как же далеко мы ушли от скромного образа жизни и возвышенного образа мыслей таких замечательных людей прошлого, как, скажем, мой любимый поэт Вордсворт!²¹

Джек. Скажите, доктор Чезьюбл, считаете ли вы, что существуют какие-либо причины, в силу которых я обязан оплатить этот чудовищный счет моего брата?

Чезьюбл. Со всей убежденностью могу сказать, что я так не думаю. Тем самым вы только поощрили бы его к еще большей расточительности.

Мисс Призм. Что посеешь, то и пожнешь. Тюремное заключение пойдет ему только на пользу. Жаль, правда, что всего лишь на двадцать дней.

Джек. Я с вами совершенно согласен.

Алджернон. Ну, дорогой мой, это уж слишком! Ты же прекрасно знаешь, что счет этот на самом деле твой.

Джек. Мой?

Алджернон. Ну да. И ты это знаешь не хуже меня.

Чезьюбл. Мистер Уординг, если это шутка, она не слишком удачна.

Мисс Призм. Это вопиющая наглость. Ничего другого от него и нельзя было ожидать.

Сесили. Во всяком случае это явная неблагодарность. Я тоже этого не ожидала.

Джек. Не обращайтесь внимания на то, что он говорит. Он всегда себя так ведет... Ты хочешь сказать, что тебя звать не Эрнест Уординг и что ты не проживаешь в квартире Б-4 в Олбани? В таком случае почему бы тебе не сказать, что ты вообще не мой брат?

Алджернон. Ну, это ты уж чересчур. Разумеется, я твой брат. Именно потому ты и должен заплатить за меня.

Джек. Скажу тебе прямо: этого ты от меня не дождешься. Доктор Чезьюбл, достойнейший пастор этого прихода, и мисс Призм, на чье удивительное здравомыслие я привык полагаться, оба придерживаются мнения, что немного посидеть за решеткой тебе очень не помешает. И я с ними совершенно согласен.

Грибзби (*вытаскивает часы*). Сожалею, что вынужден прервать вашу приятную семейную беседу, но время, увы, не терпит. Мы должны быть в Холлоуэ²² не позднее чем в четыре часа – иначе туда нас не впустят. Правила там очень строгие.

Алджернон. Вы сказали, в Холлоуэ?

Грибзби. Ну да, именно там держат заключенных за преступления такого рода.

Алджернон. Но не буду же я сидеть в тюрьме на окраине города за то, что обедал в центре?!

Грибзби. Счета – за ужины, а не за обеды.

Алджернон. Какая разница? Важно другое – я не собираюсь сидеть на каких-то задворках города.

Грибзби. Да, согласен, окрестности там заселены средними классами, зато сама тюрьма фешенебельна и хорошо проветривается. Вам будет предоставлена возможность в определенные часы дня делать моцион и разминку, а при наличии медицинской справки, получить которую не составит большого труда, время для прогулок вам будет увеличено.

²¹ Уильям Вордсворт (1770–1850) – английский поэт-романтик, представитель так называемой «озерной школы»; приблизил поэтический язык к разговорной речи.

²² Холлоуэй – тюрьма на окраине Лондона; одна из самых больших в Англии.

Алджернон. Моцион! Разминка! Какой ужас! Джентльмены никогда не разминаются. Вы, кажется, не совсем представляете, что такое джентльмен.

Грибзби. Я их столько навидался, что, боюсь, и в самом деле не представляю. Среди них попадаются любопытнейшие образчики. Думаю, это результат искусственного отбора. А теперь, сэр, если это вас не слишком затруднит, будьте любезны пройти со мной.

Алджернон (*умоляюще*). Джек!

Мисс Призм. Прошу вас, мистер Уординг, сохраняйте твердость и не дайте себя уговорить.

Чезьюбл. Да, это тот случай, когда любое проявление слабости было бы неуместным. Это был бы своего рода самообман.

Джек. Я остаюсь совершенно твердым и не поддамся слабости и самообману.

Сесили. Дядя Джек! Я знаю, что у вас есть небольшая сумма моих собственных денег. Прошу вас, позвольте мне заплатить по этому счету. Мне не хотелось бы, чтобы ваш родной брат оказался в тюрьме.

Джек. Нет, нет, Сесили, я не позволю тебе платить. Это было бы чересчур.

Сесили. Тогда заплатите вы. Мне кажется, вы будете ужасно раскаиваться, если допустите, чтобы вашего единственного брата упрятали за решетку. Хотя, конечно, я в нем полностью разочаровалась.

Джек. Ты ведь никогда больше с ним не заговоришь, не правда ли, Сесили?

Сесили. Ни за что на свете!.. Если, конечно, он первым не заговорит со мной. В этом случае было бы грубо не ответить ему.

Джек. Что ж, я позабочусь о том, чтобы он никогда не заговорил с тобой. Равным образом как и с другими обитателями этого дома. Мистер Грибзби...

Грибзби. Да, сэр.

Джек. Я уплачу по этому счету. Это будет последний счет, который я стану оплачивать за него. Какая, вы говорите, сумма?

Грибзби. 762 фунта 14 шиллингов 2 пенса. Ах, да! Еще 5 шиллингов 9 пенсов за кеб, нанятый специально для удобства клиента.

Джек. Хорошо.

Мисс Призм. Должна сказать, что мне такое великодушие кажется абсолютно неразумным.

Чезьюбл (*делает красноречивый жест*). У сердца тоже есть своя мудрость, мисс Призм, — как и у головы.

Джек. Платить на имя Паркера и Грибзби, я полагаю?

Грибзби. Да, сэр. Только, пожалуйста, не перечеркивайте чек²³. Благодарю вас. (*Обращается к доктору Чезьюблу.*) Всего хорошего. (*Доктор Чезьюбл холодно кланяется.*) Всего хорошего. (*Мисс Призм холодно кивает.*) (*Обращается к Алджернону.*) Надеюсь, что буду иметь удовольствие встретиться с вами снова.

Алджернон. А я надеюсь никогда вас больше не видеть. Странное у вас представление о круге людей, с которыми общаются джентльмены. Ни один джентльмен не станет поддерживать знакомство со стряпчим, который только и думает, чтобы засадить его в тюрьму.

Грибзби. Может быть, может быть.

Алджернон. Кстати, Грибзби, у вас нет никаких оснований возвращаться на станцию в кебе. Это мой кеб. Он был нанят для моего удобства. Вам придется добираться пешком. И это пойдет вам на пользу. Стряпчие слишком мало ходят пешком. Я не знаю ни одного стряпчего, который бы делал столь необходимые для него моцион и разминку. Как правило, они целыми днями сидят в своих душных конторах и усердно бездельничают.

Джек. Вы можете возвращаться в кебе, мистер Грибзби.

Грибзби. Благодарю вас, сэр.

²³ Перечеркивание чека крестом означает, что денежная сумма, указанная на таком чеке, может быть внесена на счет в банке, но наличные деньги по перечеркнутому (кроссированному) чеку получить нельзя.

Грибзби уходит.

Сесили. Жара просто невыносимая, не правда ли, доктор Чезьюбл?

Чезьюбл. Да, в воздухе чувствуется гроза.

Мисс Призм. Атмосфера явно нуждается в очищении.

Чезьюбл. Вы не читали «Таймс» за сегодняшнее утро, мистер Уординг? Там очень интересная статья о росте религиозного чувства среди мирян.

Джек. Еще нет, почитаю после обеда.

Входит **Мерримен.**

Мерримен. Обед на столе, сэр.

Алджернон. Приятная новость! Я страшно проголодался.

Сесили. Но вы уже сегодня обедали.

Джек. Уже обедал?

Сесили. Да, дядя Джек. Он съел несколько бутербродов с печеночным паштетом и выпил маленькую бутылку шампанского – того самого, что вам предписал ваш врач.

Джек. Мое шампанское 89-го года!

Сесили. Ну да. Мне казалось, вы бы и сами предложили ему это вино.

Джек. Понятно... Ну что ж, поскольку он уже пообедал, вряд ли он будет обедать второй раз. Это было бы по меньшей мере странно.

Мисс Призм. Вкусить два обеда за один день – это не просто вольность, это уже вседозволенность.

Чезьюбл. Еще философы древности осуждали излишества в еде. Аристотель говорит об этом крайне неодобительно – почти в тех же выражениях, что и о ростовщичестве.

Джек. Доктор, не согласитесь ли вы проводить дам в столовую?

Чезьюбл. С удовольствием.

Мисс Призм и **Сесили** в сопровождении доктора **Чезьюбла** идут в дом.

Джек. Твое банберирование, Алджи, не очень-то оказалось удачным. Наверно, сегодня для банберирования неподходящий день.

Алджернон. Ну, в банберировании, как и во всем прочем, тоже бывают свои взлеты и падения. Впрочем, я легче переживу неудачу, если ты позволишь мне пообедать с вами. Главное – я увидел Сесили, и она оказалась просто прелестной.

Джек. Ты не должен подобным образом говорить о мисс Кардью. Мне это ужасно не нравится.

Алджернон. А мне не нравится твой костюм. Ты выглядишь в нем смехотворно. Почему бы тебе не пойти и не переодеться? Как-то глупо носить траур по человеку, который собирается гостить в твоём доме целую неделю. Это абсурдно, в конце концов!

Джек. Ты не остаешься у меня на неделю ни в качестве гостя, ни в любом другом качестве. Ты должен уехать... четырехчасовым поездом.

Алджернон. Я не могу оставить тебя, когда ты в трауре. Так не поступают друзья. Если бы в трауре был я, ты, надеюсь, тоже бы меня не покинул? Я бы счел тебя бессердечным, если бы ты поступил иначе.

Джек. Ну а если я переоденусь, ты уедешь?

Алджернон. Да, но только не слишком копайся. Ты человек уникальный: так долго всегда одеваешься – и с таким ничтожным результатом!

Джек. Во всяком случае это лучше, чем быть всегда расфуфыренным вроде тебя.

Алджернон. Если я порой и бываю слишком хорошо одет, то компенсирую это тем, что неизменно веду себя как слишком хорошо воспитанный человек.

Джек. Твое тщеславие смехотворно, твое поведение возмутительно, а твое присутствие в моем саду неприлично. Хочешь не хочешь, но тебе придется сесть на четырехчасовой поезд, и я надеюсь, что твоя поездка обратно в Лондон будет приятной. На этот раз твое банберирование не увенчалось успехом. *(Идет в дом.)*

Алджернон. А по-моему, увенчалось, да еще и каким. Я влюбился в Сесили, и это самое главное... Все это хорошо, но нельзя же банберировать, когда голоден. Пойду-ка в столовую и пообедаю с ними. *(Идет к двери в дом.)*

Входит **Сесили.**

Сесили. Я пообещала дяде Джеку не разговаривать с вами, если вы сами меня ни о чем не спросите. Так почему же вы не задаете мне никаких вопросов? Я уже начинаю бояться, что вы не такой интеллектуальный, каким показались сначала.

Алджернон. Сесили, можно мне пойти пообедать?

Сесили. Удивляюсь, что вы можете смотреть мне в лицо после всего, что случилось.

Алджернон. Я обожаю смотреть в ваше лицо.

Сесили. Но почему вы пытались подсунуть этот ужасный счет бедному дяде Джеку? По-моему, с вашей стороны это непростительная неблагодарность.

Алджернон. Я и сам это понимаю, но все дело в том, что у меня отвратительная память. Я начисто забыл, что должен «Савою» эти 762 фунта 14 шиллингов 2 пенса.

Сесили. Что ж, не стану скрывать – я рада слышать, что у вас никудышная память. Хорошая память – это не то качество, которое восхищает женщин в мужчинах.

Алджернон. Сесили, мне жутко хочется есть.

Сесили. Не могу понять, как вам может хотеться есть, если вы так много едите начиная с прошлого октября.

Алджернон. Понимаете, все эти ужины были для бедняги Банбери. Врач разрешает ему есть лишь раз в день – и то только на ночь.

Сесили. В таком случае меня не удивляет, почему мистер Банбери постоянно болеет – не всякий выдержит ужин на шесть или восемь персон, который съедается каждую ночь на протяжении всей недели.

Алджернон. Я постоянно ему об этом твержу, но он считает, что врачам лучше знать. Он до смешного доверяет врачам.

Сесили. Разумеется, я не хочу, чтобы вы умерли с голоду, поэтому сказала дворецкому, чтобы вам принесли поесть.

Алджернон. Сесили, вы настоящий ангел! Могу я надеяться еще раз увидеть вас перед отъездом?

Сесили. Мы с мисс Призм будем здесь после обеда. Мои дневные уроки всегда проходят под тисом.

Алджернон. А вы не могли бы придумать, как спровадить ее?

Сесили. То есть сказать ей неправду?

Алджернон. Ну что вы, зачем же неправду! Просто скажите ей что-то очень правдоподобное, хоть и не полную правду.

Сесили. Боюсь, я не способна на это. Меня не учили, как это делать. Никто в нашем обществе не заботится о том, чтобы у девушек развивалось воображение. Это вопиющий недостаток современной системы образования. Ну, конечно, если вы намекнете мисс Призм, что ее в каком-нибудь месте ожидает наш дорогой доктор Чезьюбл, она непременно туда пойдет. Она ни за что не заставит его ждать. Да у нее и не так часто представляется для этого возможность.

Алджернон. Какая замечательная идея!

Сесили. Никаких идей я вам не подавала, кузен Эрнест. Ничто не могло бы меня заставить обмануть мисс Призм – даже в самом малом. Я просто дала вам понять, что если вы выберете определенную линию поведения, то результат последует незамедлительно.

Алджернон. Да, я все понимаю, кузина Сесили. Простите за неудачное выражение. Я при-

ду сюда ровно в половине четвертого. Мне нужно сказать вам кое-что очень серьезное.

Сесили. Серьезное?

Алджернон. Да, чрезвычайно серьезное.

Сесили. В таком случае, лучше встретимся в доме. Не люблю серьезных разговоров на открытом воздухе. Они звучат ужасно искусственно.

Алджернон. Но где именно в доме мы встретимся?

Входит **Джек.**

Джек. Кабриолет у двери. Тебе пора ехать. Твое место рядом с Банбери. (*Замечает Сесили.*) Сесили! Может быть, тебе, Сесили, лучше будет возвратиться к мисс Призм и доктору Чезьюблу? Тебе так не кажется?

Сесили. Да, дядя Джек. До свидания, кузен Эрнест. Боюсь, я больше вас не увижу, так как в полчетвертого буду в гостиной – у меня там занятия с мисс Призм.

Алджернон. До свидания, кухня Сесили. Вы были ко мне очень добры.

Сесили уходит.

Джек. А теперь слушай меня внимательно, Алджи. Ты должен отсюда исчезнуть – и чем скорее, тем лучше. Банбери страшно болен, и ты обязан быть рядом с ним.

Алджернон. Ну не могу я сейчас ехать. Сначала я должен съесть свой второй обед. Кроме того – и я уверен, ты будешь рад это услышать – Банбери стало намного лучше.

Джек. Как бы там ни было, тебе придется уехать отсюда не позже трех пятидесяти. Я распорядился упаковать твои вещи, и кабриолет тебя уже ждет.

Занавес

Действие третье

Гостиная в доме мистера Уордига. **Сесили** и **мисс Призм** сидят за разными столами и едят.

Мисс Призм. Сесили! (*Сесили не отвечает.*) Сесили! Вы опять пишете в своем дневнике? Я, кажется, уже делала вам замечание насчет этой вашей вредной привычки, и не одно.

Сесили. Как всегда, я просто беру с вас пример, мисс Призм.

Мисс Призм. Только в совершенстве овладев принципами биметаллизма²⁴, человек может считать себя вправе заняться самоанализом и самосозерцанием. Но не раньше. Я вынуждена попросить вас вновь сосредоточиться на политической экономии.

Сесили. Одну минутку, дорогая мисс Призм. Дело в том, что я успела записать сегодняшние события до двух пятнадцати, ну а эта ужасная катастрофа произошла в два тридцать.

Мисс Призм. Извините меня, Сесили, но было ровно два сорок пять, когда доктор Чезьюбл упомянул о тех достойных сожаления взглядах, которых христианская церковь первых веков придерживалась в отношении брачных уз.

Сесили. Я имела в виду вовсе не доктора Чезьюбла. Я говорю о трагическом разоблачении неблагоприятных поступков бедного мистера Эрнеста Уордига.

Мисс Призм. Мне очень не нравится мистер Эрнест Уординг. Это абсолютно безнравственный молодой человек.

Сесили. Боюсь, так оно и есть. Это единственное объяснение его непостижимой привлека-

²⁴ *Биметаллизм* – денежная система, при которой роль всеобщего эквивалента выполняют два благородных металла (обычно золото и серебро). Мисс Призм любит употреблять «умные» словечки, но не всегда, как и в этом случае, понимает их значение.

тельности.

Мисс Призм (*поднимаясь с места*). Сесили, умоляю вас, не давайте себя обмануть чисто внешнему обаянию, которым, как вам кажется, обладает этот несчастный молодой человек.

Сесили. Ах, поверьте, мисс Призм, только внешнее обаяние и выдерживает испытание временем, а что касается истинного характера человека, то он проявляется слишком быстро.

Мисс Призм. Дитя мое, откуда вы набрались таких ужасных мыслей? Во всяком случае, их нет в тех направленных на самосовершенствование человека книгах, которые я давала вам читать.

Сесили. А разве в книгах, направленных на самосовершенствование человека, есть какие-нибудь мысли? Я что-то не замечала. Свои мысли я черпаю... в саду.

Мисс Призм. В таком случае вам не стоит столько времени проводить на свежем воздухе. Должна с сожалением отметить, Сесили, что вы в последнее время приобрели пагубную привычку самостоятельно мыслить. Вы должны от нее отказаться. Это не совсем женственно... И мужчинам это не нравится. (*Входит Алджернон.*) Мистер Уординг, я считала – можно сказать, надеялась, – что вы уже возвратились в Лондон.

Алджернон. Мой отъезд состоится в ближайшее время. Я пришел с вами попрощаться, мисс Кардью. Меня уже ждет кабриолет. Мне остается одно – возвращаться в этот неприветливый, холодный мир.

Сесили. Я не совсем понимаю, мистер Уординг, что вы имеете в виду, употребляя такое странное выражение. Ведь сегодня даже для июля непривычно жарко.

Мисс Призм. Распутный образ жизни имеет свойство притуплять чувства человека.

Алджернон. В этом нет никакого сомнения. И я далек от того, чтобы защищать погоду. В то же время считаю своим долгом упомянуть, мисс Призм, что в ризнице²⁵ вас ждет доктор Чезьюбл.

Мисс Призм. В ризнице! Значит, дело касается чего-то серьезного. Вряд ли пастор стал бы из-за пустяка выбирать для встречи такое священное место. Мне кажется, было бы нехорошо заставлять его долго ждать, как вы думаете, Сесили?

Сесили. Это было бы очень, очень нехорошо. Ризница, насколько я слышала, – чрезвычайно сырое помещение.

Мисс Призм. Это правда. Я как-то об этом не подумала, а ведь доктор Чезьюбл страдает ревматизмом. Мистер Уординг, мы с вами скорее всего больше не встретимся. Так позвольте же мне выразить искреннюю надежду, что теперь вы сможете открыть новую страницу в своей жизни.

Алджернон. Смею вас уверить, мисс Призм, что я уже открыл целую книгу.

Мисс Призм. Я рада слышать об этом. (*Надевает большую шляпу, которая на редкость ей не к лицу.*) Не забывайте, что даже для самых закоренелых грешников всегда остается надежда... А вы не бросайте занятий, Сесили.

Сесили. Ну что вы, мисс Призм. Я прекрасно понимаю, как много мне еще нужно сегодня сделать.

Мисс Призм. Да, дитя, впереди еще очень много работы.

Мисс Призм уходит.

Алджернон. Расставаться с вами, мисс Кардью, просто невыносимо.

Сесили. Да, всегда тяжело расставаться с теми, кого мало знаешь. Долгое отсутствие старых друзей переносится очень легко, но даже недолгое расставание с теми, с кем только что познакомился, вынести почти невозможно.

Алджернон. Благодарю вас.

²⁵ *Ризница* – помещение при церкви для хранения риз (верхнего облачения священников при богослужении) и церковной утвари.

Входит Мерримен.

Мерримен. Кабриолет подан, сэр.

Алджернон умоляюще смотрит на Сесили.

Сесили. Пусть подождет еще пять минут, Мерримен.

Мерримен. Слушаю, мисс.

Мерримен уходит.

Алджернон. Надеюсь, Сесили, вас не оскорбит, если я скажу прямо и откровенно, что вы во всех отношениях кажетесь мне зримым воплощением абсолютного совершенства.

Сесили. Ваша откровенность делает вам честь, Эрнест. Если позволите, я запишу ваши слова в свой дневник. *(Идет к столу и начинает записывать.)*

Алджернон. Неужели вы ведете дневник? Ах, чего бы я только не дал за то, чтобы в него заглянуть. Вы мне позволите?

Сесили. О нет! *(Прикрывает дневник рукой.)* Видите ли, это лишь собрание сокровенных мыслей и переживаний молодой девушки, а следовательно, предназначено только для публикации. Вот когда мой дневник появится отдельным изданием, вы сможете купить себе экземпляр — по крайней мере, я на это надеюсь. Но прошу вас, Эрнест, продолжайте. Я очень люблю писать под диктовку. Я дошла до слов «абсолютного совершенства». Слушаю вас. Я готова записывать дальше.

Алджернон *(несколько озадаченно)*. Кхм!.. Кхм!..

Сесили. Не кашляйте, Эрнест. Когда диктуешь, нужно говорить плавно и не кашлять. А к тому же я не знаю, как записывать кашель. *(Алджернон продолжает свой монолог, а Сесили пишет за ним.)*

Алджернон *(говорит очень быстро)*. Мисс Кардью, с той самой минуты, когда ровно в двенадцать тридцать меня впервые ослепила ваша несравненная и поразительная красота, я не только стал вашим покорным рабом и слугой, но и, вознесшись ввысь на крылах дерзновенной мечты, осмелился полюбить вас безумно, страстно, преданно и безнадежно.

Сесили *(кладет на стол ручку)*. Ах, прошу вас, повторите это еще один раз. Вы говорите слишком быстро и неотчетливо. Пожалуйста, еще раз.

Алджернон. Мисс Кардью, с той самой минуты, когда ровно в двенадцать тридцать вы были ослеплены моей... простите, я хочу сказать, что с той самой минуты, когда ровно в двенадцать тридцать меня впервые ослепила ваша несравненная и поразительная красота...

Сесили. Да, да, это я уже записала. Что было там дальше?

Алджернон *(бормочет, запинаясь)*. Я... я...

Сесили снова кладет ручку и укоризненно смотрит на Алджернона.

Алджернон *(с отчаянием)*. Я... я не только стал вашим покорным рабом и слугой, но и, вознесшись ввысь на крылах дерзновенной мечты, осмелился полюбить вас безумно, страстно, преданно и безнадежно. *(Переводит дух и, вынув часы, смотрит на них.)*

Сесили *(некоторое время пишет; закончив, поднимает на Алджернона взгляд)*. Слово «безнадежно» я не стала писать. Оно мне кажется каким-то бессмысленным. *(Небольшая пауза.)*

Алджернон *(начинает с новым воодушевлением)*. Сесили!

Сесили. Это начало нового абзаца или просто возглас, выражающий восхищение?

Алджернон *(говорит возвышенно и быстро)*. Для меня это начало совершенно нового существования, которое будет исполнено стольких возгласов восхищения, что вся моя жизнь станет изысканной и непрерывной симфонией любви, восхваления и обожания, слившихся в едином звучании.

Сесили. Я не совсем уяснила смысл этой фразы. Да и вообще мужчины не должны диктовать женщинам. Они не знают, как это делать, а когда все же берутся за это, всегда произносят что-то совершенно невразумительное.

Алджернон. А мне все равно, вразумительно это или невразумительно. Я знаю только одно – я люблю вас, Сесили! Я люблю вас и хочу быть всегда рядом с вами. Сесили, я не могу без вас жить! Прошу вас, выходите за меня замуж! Умоляю, будьте моей женой! *(Бросается к ней и сжимает ее руку в своей.)*

Сесили *(вскакивает с места).* Ну вот, из-за вас я поставила кляксу. А ведь ваше предложение – единственное, которое я до сих пор получала, и мне хотелось записать его по возможности аккуратно.

Входит **Мерримен.**

Мерримен. Вас ожидает кабриолет, сэра.

Алджернон. Скажите, чтобы его подали через неделю в это же время.

Мерримен *(смотрит на Сесили; она никак не реагирует).* Слушаю, сэра.

Мерримен уходит.

Сесили. Дядя Джек будет страшно сердиться, когда узнает, что вы остаетесь здесь на неделю.

Алджернон. Мне нет дела до Джека. Мне нет дела ни до кого, кроме вас. Я люблю вас, Сесили. Согласны ли вы стать моей женой?

Сесили. Какой же вы глупенький! Конечно, согласна. Мы ведь с вами помолвлены уже целых три месяца.

Алджернон. Целых три месяца?!

Сесили. Три месяца без нескольких дней. *(Смотрит в дневник, переворачивает несколько страниц назад.)* Да, в четверг будет ровно три месяца.

Алджернон. Я этого не знал.

Сесили. В наши дни редко кто знает, какой социальный или семейный статус он имеет. По словам мисс Призм, мы живем в удивительно бездумный век.

Алджернон. Но каким образом мы стали помолвлены?

Сесили. С тех пор как дядя Джек признался нам, что у него есть младший брат – юноша беспутный и порочный, – вы, разумеется, стали главным предметом наших с мисс Призм разговоров. И, конечно, тот, о ком столько говорят, приобретает особую привлекательность. Ведь должно же быть в таком человеке нечто такое, что заставляет о нем говорить! Может быть, это было очень глупо с моей стороны, но именно так я в вас и влюбилась, Эрнест.

Алджернон. Дорогая моя!.. А вы можете назвать точную дату нашей помолвки?

Сесили. Конечно, могу – четырнадцатое февраля. Не в силах больше выносить сознания того факта, что вы даже не подозреваете о моем существовании, я решила так или иначе покончить с этим положением и после продолжительной борьбы с самой собой приняла вас однажды вечером в нашем саду. На следующий день я купила вот это колечко и преподнесла себе от вашего имени. Видите, Эрнест, я никогда его не снимаю, и хотя оно свидетельствует о вашей достойной сожаления склонности к расточительности, я вас давно уже простила за это. А здесь, в этом ящике, все те маленькие подарки, которые время от времени я вам дарила; они аккуратно пронумерованы и снабжены этикетками. Вот жемчужное ожерелье, подаренное вами в мой день рождения. А вот шкатулка, в которой я храню все ваши письма. *(Открывает шкатулку и достает пачку писем, перевязанную голубой лентой.)*

Алджернон. Мои письма? Но, несравненная моя Сесили, я никогда не писал вам писем.

Сесили. Вряд ли стоит напоминать мне об этом, Эрнест. Я слишком хорошо это помню. Я устала каждое утро задавать почтальону один и тот же вопрос – есть ли у него для меня письма из Лондона? Из-за постоянного ожидания и нервного напряжения стало сдавать мое здоровье.

Тогда я решила писать ваши письма за вас. Я писала их три раза в неделю, а иногда и чаще, и просила свою служанку отправлять мне их из деревни.

Алджернон. Позвольте мне их почитать, Сесили.

Сесили. Ни в коем случае. Вы слишком тогда возгордитесь. Три письма, которые вы написали мне после того, как я расторгла нашу помолвку, так прекрасны и в них такая уйма орфографических ошибок, что даже сейчас, перечитывая их, я не могу удержаться от слез.

Алджернон. Но разве наша помолвка была расторгнута?

Сесили. Ну конечно была. Двадцать второго марта. Вот, можете посмотреть на эту запись в дневнике. *(Показывает ему дневник.)* «Сегодня я расторгла нашу помолвку с Эрнестом. Мне кажется, так будет лучше. Погода по-прежнему стоит чудесная».

Алджернон. Но почему вы так поступили? Что я такого сделал? Я ничем этого не заслужил, Сесили! Мне очень больно слышать, что вы расторгли нашу помолвку. Да еще в такую чудесную погоду.

Сесили. Мужчины такие забывчивые. Мне казалось, вы должны помнить то разгневанное письмо, которое вы написали мне после того, как я танцевала с лордом Келсо на ежегодном большом балу нашего графства.

Алджернон. Но я ведь взял все свои слова обратно, разве не так, Сесили?

Сесили. Еще бы не взяли, иначе я не простила бы вас и не приняла этот маленький золотой браслет с сердечком из бирюзы и бриллиантов, который вы прислали мне на другой день. *(Показывает ему браслет.)*

Алджернон. Так это, значит, я вам его подарил? Выглядит совсем недурно.

Сесили. Да, у вас просто чудесный вкус, Эрнест. Я всегда отдавала вам должное и считала это оправданием того беспутного образа жизни, который вы ведете.

Алджернон. Моя единственная! Так, значит, мы помолвлены три месяца, Сесили?

Сесили. Да, время быстро летит, не правда ли?

Алджернон. Я так не думаю. Мне эти дни казались такими невыносимо длинными и монотонными без вас.

Сесили. Ах вы, мой милый, романтический мальчик... *(проводит рукой по его волосам.)* Надеюсь, ваши волосы вьются естественным образом?

Алджернон. Да, дорогая, парикмахер тут почти не при чем.

Сесили. Я так рада.

Алджернон. Больше вы не расторгнете нашей помолвки, Сесили?

Сесили. Мне кажется, что теперь, когда я с вами наконец познакомилась, это уже невозможно. А кроме того, у вас такое имя...

Алджернон *(нервно).* Да, безусловно.

Сесили. Не смейтесь надо мной, дорогой, но моей затаенной девичьей мечтой было полюбить человека, которого зовут Эрнест. *(Алджернон встает, Сесили тоже.)* В этом имени есть нечто внушающее абсолютное доверие. Мне так жаль тех бедных женщин, чьи мужья носят не имя Эрнест.

Алджернон. Но, мое дорогое дитя, неужели вы хотите сказать, что не полюбили бы меня, если бы у меня было другое имя?

Сесили. Какое, например?

Алджернон. Ну, какое угодно – Алджернон, например...

Сесили. Но мне совсем не нравится имя Алджернон.

Алджернон. Послушайте, дорогая, славная, любимая моя Сесили. Я не вижу ни малейших причин, которые могли бы вас заставить возражать против имени Алджернон. Не такое уж это плохое имя. Более того, оно довольно аристократично. Половина ответчиков по делам о банкротстве носит имя Алджернон. Нет, серьезно, Сесили... *(Подходит ближе.)* Если бы меня звали Алджи, неужели вы не смогли бы меня полюбить?

Сесили. Я могла бы уважать вас, Эрнест, могла бы восхищаться вами, но отдать безраздельно все свои чувства Алджернону – этого бы я никогда не смогла.

Алджернон. Гм... Сесили! *(Берет шляпу, собираясь уходить.)* Ваш местный пастор, надо

полагать, хорошо знает все церковные обряды и церемонии?

Сесили. О, да. Доктор Чезьюбл – на редкость эрудированный человек. Он не написал ни одной книги, так что можете себе представить, как много он знает.

Алджернон. Я должен сейчас же поговорить с ним об одном безотлагательном крещении... я хотел сказать – об одном безотлагательном деле.

Сесили. Вот как!

Алджернон. Я вернусь не позже чем через полчаса.

Сесили. Учítывая, что мы с вами помолвлены с четырнадцатого февраля, а впервые встретились только сегодня, я не думаю, что вам следовало бы покидать меня на столь продолжительный срок, каким являются тридцать минут. Неужели вам не хватит двадцати?

Алджернон. Я мигом вернусь! *(Целует ей руку и выбегает из комнаты.)*

Сесили. До чего порывистый мальчик! И какие у него чудесные волосы! Нужно записать в дневнике, что он сделал мне предложение.

Входит **Мерримен.**

Мерримен. Некая мисс Ферфакс хочет видеть мистера Уординга. Говорит, по неотложному делу.

Сесили. А разве мистер Уординг не в библиотеке?

Мерримен. Мистер Уординг некоторое время назад отправился в направлении дома доктора Чезьюбла.

Сесили. Прошу вас, пригласите эту леди сюда, в гостиную. Мистер Уординг, вероятно, скоро вернется. И принесите, пожалуйста, чаю.

Мерримен. Слушаю, мисс. *(Уходит.)*

Сесили. Мисс Ферфакс? Вероятно, одна из тех добропорядочных пожилых дам, которые вместе с дядей Джеком занимаются благотворительными делами в Лондоне. Не люблю дам, занимающихся филантропией. Это слишком вызывающе с их стороны.

Входит **Мерримен.**

Мерримен. Мисс Ферфакс.

Входит **Гвендолен.** **Мерримен** уходит.

Сесили *(идет ей навстречу)*. Позвольте вам представиться. Меня зовут Сесили Кардью.

Гвендолен. Сесили Кардью? *(Подходит к ней и пожмимает ей руку.)* Какое прелестное имя! У меня такое предчувствие, что мы с вами подружимся. Вы мне и сейчас уже нравитесь больше, чем я могу это выразить. А первое впечатление о людях меня никогда не обманывает.

Сесили. Как мило с вашей стороны испытывать ко мне столь большую симпатию после такого сравнительно непродолжительного знакомства. Прошу вас, садитесь.

Гвендолен *(все еще стоя)*. Можно, я буду называть вас просто Сесили?

Сесили. Мне это будет только приятно!

Гвендолен. А меня с этого момента прошу называть Гвендолен.

Сесили. С удовольствием, раз вы не против.

Гвендолен. Значит, вопрос решен, не так ли?

Сесили. Надеюсь.

Пауза. Обе одновременно садятся.

Гвендолен. Теперь, вероятно, самое время объяснить вам, кто я такая. Мой отец – лорд Брэкнелл. Должно быть, вы никогда не слышали о папе, не правда ли?

Сесили. Думаю, что нет.

Гвендолен. К счастью, он совершенно неизвестен за пределами тесного семейного круга. Мне кажется, так оно и должно быть. Сфера деятельности мужчины, по-моему, должна быть ограничена домашним очагом. Как только мужчины начинают пренебрегать своими обязанностями по дому, они становятся такими женоподобными. А мне это совсем не нравится. Это делает мужчин слишком привлекательными. Должна вам сказать, Сесили, что моя мама, чьи взгляды на воспитание отличаются необыкновенной строгостью, развила во мне сильную близорукость, что, впрочем, является составной частью ее системы. Поэтому, я надеюсь, вы не будете возражать, если я стану смотреть на вас через лорнет?

Сесили. Разумеется, не буду, Гвендолен, – я очень люблю, когда на меня смотрят!

Гвендолен (*тщательно осмотрев Сесили через лорнет*). Вы, я полагаю, здесь в гостях?

Сесили. О нет. Я здесь живу.

Гвендолен (*сдержанно*). Вот как? Значит, здесь живет и ваша матушка или какая-нибудь пожилая родственница?

Сесили. Нет. У меня нет матери, да и родственниц тоже.

Гвендолен. Неужели?

Сесили. Непростую задачу заботиться о моем воспитании взял на себя мой дорогой опекун; ему помогает мисс Призм.

Гвендолен. Ваш опекун?

Сесили. Да, мистер Уординг.

Гвендолен. Странно! Никогда от него не слышала, что он чей-то опекун. До чего скрытен! Он становится интереснее с каждой минутой. Хотя не могу сказать, чтобы эта новость вызвала у меня ничем не омраченный восторг. (*Встает и подходит к Сесили.*) Вы мне по душе, Сесили. Вы понравились мне с первого взгляда. Но я вынуждена сказать, что теперь, когда я узнала, что ваш опекун – мистер Уординг, у меня сразу же возникло желание, чтобы вы оказались... ну, скажем, чуть постарше и чуточку не такой привлекательной. И знаете, если уж говорить начистоту...

Сесили. Пожалуйста, продолжайте! Я думаю, раз уж вам хочется сказать что-то неприятное, надо говорить начистоту.

Гвендолен. Так вот, если говорить начистоту, Сесили, я хотела бы, чтобы вам было не меньше сорока двух лет и вы были бы даже более непривлекательной, чем большинство женщин в этом возрасте. У Эрнеста честный и прямой характер. Он воплощенная искренность и порядочность. Неверность для него так же невозможна, как и обман. Но даже мужчины с самыми высокими нравственными принципами до чрезвычайности подвержены женским чарам. Новая история человечества, равным образом как и древняя, дает тому множество плачевных примеров. Если бы это было иначе, историю было бы невозможно читать.

Сесили. Простите, Гвендолен, но вы, кажется, сказали – Эрнест?

Гвендолен. Именно так я и сказала.

Сесили. Но мистер Эрнест Уординг – вовсе не мой опекун; мой опекун – его брат... его старший брат.

Гвендолен (*снова усаживаясь*). Эрнест никогда не говорил мне, что у него есть брат.

Сесили. Как это ни грустно, они долгое время не ладили.

Гвендолен. Ах вот в чем дело. Тогда все понятно. По правде говоря, мне никогда не приходилось слышать, чтобы мужчины упоминали о своих братьях. Тема эта для них, видимо, до крайности неприятна. Сесили, у меня камень свалился с души. А я уже почти начала волноваться. Как было бы ужасно, если бы такую дружбу, как наша, омрачило темное облако недоверия. Но вы абсолютно уверены, что мистер Эрнест Уординг – не ваш опекун?

Сесили. Абсолютно. (*Пауза.*) Дело в том, что вскоре Эрнест назовет меня своей.

Гвендолен (*не совсем понимая*). Простите, что вы сказали?

Сесили (*застенчиво и доверительно*). Дорогая Гвендолен, у меня нет никаких оснований делать из этого тайну. Ведь все равно на будущей неделе в местной газете появится сообщение о нашей помолвке с мистером Эрнестом Уордингом.

Гвендолен (*вставая, очень вежливо*). Моя дорогая Сесили, тут явно какое-то недоразуме-

ние. Мистер Эрнест Уординг помолвлен не с вами, а со мной. И сообщение об этом будет помещено не в местной газете, а в «Морнинг пост», причем не позднее субботы.

Сесили (*вставая и не менее вежливо*). Боюсь, вас ввели в заблуждение. Эрнест сделал мне предложение ровно десять минут назад. (*Показывает дневник.*)

Гвендолен (*внимательно читает запись в дневнике сквозь лорнет*). Очень странно, потому что он просил меня стать его женой не далее как вчера в пять тридцать пополудни. Если хотите удостовериться в этом, пожалуйста. (*Достаёт свой дневник.*) Я никогда не езжу без дневника – в поезде всегда надо иметь что-нибудь захватывающее для чтения. Мне не хотелось бы, милая Сесили, вас огорчать, но боюсь, что я вас опередила.

Сесили. Мне тоже бы не хотелось, дорогая Гвендолен, причинять вам душевную, а тем более физическую боль, но я вынуждена обратить ваше внимание на тот очевидный факт, что Эрнест, после того как сделал вам предложение, явно передумал на вас жениться.

Гвендолен (*размышляя вслух*). Если бедного молодого человека всякими хитроумными уловками вынудили дать какие-то опрометчивые обещания, я считаю своим долгом немедленно и со всей решительностью прийти к нему на помощь.

Сесили (*задумчиво и грустно*). В каком бы запутанном положении ни оказался мой дорогой мальчик, я никогда не попрекну его этим после свадьбы.

Гвендолен. Не на меня ли вы намекаете, мисс Кардью, говоря о запутанном положении? Вы слишком много себе позволяете. Кстати, в подобных случаях выкладывать все, что думаешь, – не только нравственный долг, но и превеликое удовольствие.

Сесили. Не хотите ли вы сказать, мисс Ферфакс, что я вынудила Эрнеста дать обещание на мне жениться? Да как вы смеете? Сейчас не время скрываться за маской внешних приличий. Я предпочитаю называть вещи своими именами.

Гвендолен (*насмешливо*). Рада довести до вашего сведения, что я считаю вульгарным называть вещи своими именами, из чего следует естественный вывод, что мы возвращаемся в совершенно разных социальных кругах.

Входит **Мерримен**, за ним лакей с подносом, скатертью и подставкой для чайника. **Сесили** готова дать достойный ответ, но присутствие слуг заставляет ее сдержаться, как, впрочем, и **Гвендолен**. Это злит девушек.

Мерримен. Чай накрывать, как всегда здесь, мисс?

Сесили (*сдерживая раздражение, спокойным голосом*). Да, здесь.

Мерримен начинает освобождать стол и накрывать его к чаю. Продолжительная пауза. **Сесили** и **Гвендолен** бросают друг на друга свирепые взгляды.

Гвендолен. Есть ли у вас здесь интересные маршруты для пешеходных прогулок, мисс Кардью?

Сесили. О да, сколько угодно. С вершины одного из близлежащих холмов видно пять графств.

Гвендолен. Пять графств! Вряд ли мне это могло бы понравиться. Ненавижу всякого рода скопления!

Сесили (*очень любезно*). Именно потому вы, вероятно, и живете в Лондоне?

Гвендолен (*закусывает губу и, озираясь, нервно постукивает зонтиком по ноге*). Здесь у вас очень мило, мисс Кардью.

Сесили. Рада, что вам понравилось, мисс Ферфакс.

Гвендолен. Мне трудно было представить, что в такой глуши может быть хоть что-то, напоминающее хороший вкус. Я приятно удивлена.

Сесили. Боюсь, вы судите о деревне, основываясь на том, что видите в Лондоне. Лондонские дома, как мне кажется, в большинстве своем очень вульгарны.

Гвендолен. Да, пожалуй, они ослепляют сельский ум. Лично мне трудно представить, как

можно жить в деревне, – конечно, если ты из себя хоть что-нибудь представляешь. Мне деревня быстро надоедает до смерти.

Сесили. Неужели? Газеты это явление называют сельскохозяйственной депрессией. Мне кажется, нынешняя аристократия страдает от этой болезни в усиленной форме. Как мне рассказывали, среди них это чуть ли не эпидемия. Не угодно ли чаю, мисс Ферфакс?

Гвендолен (*с подчеркнутой вежливостью*). Благодарю вас. (*В сторону.*) Несносная девчонка! Но мне очень хочется пить.

Сесили (*очень любезно*). Положить сахару?

Гвендолен (*высокомерно*). Нет, благодарю вас. Сахар больше не в моде.

Сесили (*сердито смотрит на нее, берет щипчики и кладет ей в чашку четыре куска сахара, затем холодно спрашивает*). Пирог или хлеб с маслом?

Гвендолен (*с безразлично-скучающим видом*). Хлеб с маслом, пожалуйста. В приличных домах сейчас не принято подавать сладкие пироги.

Сесили (*отрезает большой кусок пирога и кладет на поднос рядом с чашкой чая*). Передайте мисс Ферфакс.

Мерримен ставит поднос перед **Гвендолен** и вместе с лакеем уходит.

Гвендолен (*отпивает из чашки, морщится, ставит чашку на стол и протягивает руку за хлебом, но видит, что это пирог, и вскакивает в негодовании*). Вы набросали мне доверху сахара, и хотя я совершенно отчетливо попросила дать мне хлеб с маслом, вы подсунули мне пирог. Всем известны мои деликатность и мягкость характера, но предупреждаю вас, мисс Кардью, вы заходите слишком далеко.

Сесили (*тоже встает*). Чтобы спасти моего бедного, ни в чем не повинного, доверчивого мальчика от происков коварных женщин, я готова пойти на любые крайности!

Гвендолен. С той самой минуты, как я увидела вас, я все время была начеку, зная, что вам нельзя доверять. Я сразу поняла, что вы притворщица и обманщица, а меня трудно ввести в заблуждение в такого рода вопросах. Первое мое впечатление всегда оказывается безошибочным.

Сесили. Мне кажется, мисс Ферфакс, я злоупотребляю вашим драгоценным временем. Вам, вероятно, предстоит сделать еще несколько таких же визитов по соседству.

Входит **Джек**.

Гвендолен (*увидев его*). Эрнест! Мой дорогой Эрнест!

Джек. Гвендолен!.. Милая! (*Хочет поцеловать ее.*)

Гвендолен (*отстраняясь*). Минутку! Позволено ли мне узнать, не помолвлены ли вы с этой молодой леди? (*Показывает на Сесили.*)

Джек (*смеясь*). С малышкой Сесили? Конечно, нет. И как только могла подобная мысль возникнуть в вашей хорошенькой маленькой головке?

Гвендолен. Благодарю вас. Теперь можно. (*Подставляет щеку.*)

Сесили (*мягко и приветливо*). Я знала, что тут какое-то недоразумение, мисс Ферфакс. Джентльмен, чья рука в данный момент лежит на вашей талии, и есть мой опекун – мистер Джон Уординг.

Гвендолен. Простите, не поняла.

Сесили. Это дядя Джек.

Гвендолен (*отстраняясь от него*). Джек! О Боже!

Входит **Алджернон**.

Сесили. А вот и Эрнест!

Алджернон (*никого не замечая, идет к Сесили*). Любимая моя! (*Хочет ее поцеловать.*)

Сесили (*отступая*). Минутку, Эрнест! Могу ли я вас спросить – вы помолвлены с этой

молодой леди?

Алджернон (*озираясь*). С какой молодой леди?.. Силы небесные! Гвендолен!

Сесили. Вот именно, с Гвендолен.

Алджернон (*рассмеявшись*). Ну конечно, нет! И как только могла подобная мысль возникнуть в вашей хорошенькой маленькой головке?

Сесили. Благодарю вас. (*Подставляет щеку для поцелуя.*) Теперь можно.

Алджернон целует ее.

Гвендолен. Я сразу почувствовала, мисс Кардью, – тут какая-то ошибка. Джентльмен, который вас сейчас обнимает, – мой кузен, мистер Алджернон Монкрифф.

Сесили (*отстраняясь от Алджернона*). Алджернон Монкрифф? О Боже!

Девушки сходятся и обнимают друг друга за талию, как бы ища друг у друга защиты.

Сесили. Так вас зовут Алджернон?

Алджернон. Да, отпираться не стану.

Сесили. О Господи!

Гвендолен. Ваше имя действительно Джон?

Джек (*горделиво*). При желании я мог бы это отрицать. При желании я мог бы отрицать все, что угодно. Но мое имя действительно Джон. И уже много лет.

Сесили (*обращаясь к Гвендолен*). Мы обе жестоко обмануты.

Гвендолен. Моя бедная оскорбленная Сесили!

Сесили. Моя дорогая обиженная Гвендолен!

Гвендолен (*медленно и серьезно*). Называйте меня сестрой, хорошо?

Они обнимаются. **Джек** и **Алджернон** тяжело, со стоном вздыхают и начинают ходить взад и вперед по комнате.

Сесили (*как если бы ее осенило*). Есть один вопрос, который я хотела бы задать опекуну.

Гвендолен. Прекрасная идея! Мистер Уординг, я тоже хотела бы задать вам один вопрос. Где ваш брат Эрнест? Мы обе помолвлены с вашим братом Эрнестом, и нам очень важно знать, где он сейчас находится.

Джек (*медленно и неуверенно*). Гвендолен... Сесили... Мне очень трудно говорить об этом, но я готов открыть вам всю правду. Впервые в жизни я оказался в таком затруднительном положении, и быть до конца откровенным мне совсем непривычно. И все же признаюсь вам по совести, что брата Эрнеста у меня нет. У меня вообще нет никакого брата. Никогда в жизни у меня не было братьев, и я не испытываю ни малейшего желания обзаводиться ими в будущем.

Сесили (*с изумлением*). Никакого брата?

Джек (*бодрым голосом*). Никакого.

Гвендолен (*сурово*). И никогда не было – хоть какого-нибудь?

Джек (*чуть ли не игриво*). Не было – даже самого завалящего.

Гвендолен. Боюсь, Сесили, вывод может быть только один – мы с вами ни с кем не помолвлены.

Сесили. Как грустно, когда молодая девушка внезапно оказывается в таком неприятном положении. Не правда ли?

Гвендолен. Давайте-ка выйдем в сад. Едва ли они осмелятся увязаться за нами.

Сесили. Исключено – мужчины такой трусливый народ.

Выражая всем своим видом презрение, они удаляются в сад.

Джек. В хорошенький же переплет я попал по твоей милости! (*Алджернон садится за чай-*

ный столик и как ни в чем не бывало наливает себе чай.) С чего это тебе взбрело в голову приехать сюда и изображать из себя моего брата? Хуже придумать ты ничего не мог.

Алджернон (*ест сдобную булочку*). А тебе с чего это взбрело в голову изображать из себя человека, у которого есть брат? Это было просто возмутительно с твоей стороны! (*Ест вторую булочку*.)

Джек. Я ведь тебе сказал уезжать четырехчасовым поездом и распорядился подать для тебя кабриолет. Почему же ты не уехал?

Алджернон. Разве мог я уехать, не выпив чаю?

Джек. Весь этот кошмар ты, надо полагать, и называешь банберированием?

Алджернон. Да, причем исключительно удачным банберированием. Так замечательно банберировать мне еще ни разу не приходилось.

Джек. Так вот, здесь банберировать ты не имеешь права.

Алджернон. Ерунда какая. Любой имеет право банберировать где захочет. Все серьезные банберисты знают это.

Джек. Серьезные банберисты?! Боже, до чего ты договорился!

Алджернон. Надо же быть в чем-то серьезным, если хочешь получать удовольствие от жизни. Я, например, всерьез банберирую. А вот в чем ты проявляешь свою серьезность, я понятия не имею. Полагаю – во всем. У тебя ведь такая легкомысленная натура.

Джек. Единственное, что меня хоть как-то радует во всей этой неприглядной истории – это то, что твой дружок Банбери полностью разоблачен. Теперь тебе не удастся так часто сбегать в деревню, дорогой мой Алджи. Оно и к лучшему.

Алджернон. Твой братец тоже здорово пострадал, дорогой Джек. Теперь тебе не удастся так часто мотаться в Лондон, как того требовала укоренившаяся в тебе нездоровая привычка. Это тоже пойдет тебе на пользу.

Джек. Что касается того, как ты вел себя с мисс Кардью, то должен тебе заявить, что оболыщать такую милую, чистосердечную, неопытную девушку просто непозволительно. Я уже не говорю о том, что она под моей опекой.

Алджернон. А я не вижу никакого оправдания тому, что ты обманываешь такую блестящую, умную, опытную молодую леди, как мисс Ферфакс. Я уже не говорю о том, что она моя кузина.

Джек. Я хотел, чтобы мы с Гвендолен были помолвлены, вот и все. Я люблю ее.

Алджернон. Ну а мне хотелось, чтобы мы были помолвлены с Сесили. Я обожаю ее.

Джек. У тебя ни малейших шансов жениться на мисс Кардью.

Алджернон. Еще менее вероятно, что ты станешь мужем мисс Ферфакс.

Джек. Это не твое дело.

Алджернон. Будь это моим делом, я бы не стал говорить о нем. Говорить о собственных делах – верх вульгарности. Это делают только биржевые маклеры, да и то больше на званых обедах.

Джек. Как ты можешь сидеть и преспокойно уплетать булочки, когда оба мы попали в такую беду? Ты абсолютно бессердечный тип!

Алджернон. Но не могу же я есть булочки беспокойно. Я бы обязательно запачкал жиром манжеты. Булочки нужно есть только спокойно. Другого способа не существует.

Джек. А я тебе говорю, что при таких обстоятельствах есть булочки бессердечно – как спокойно, так и беспокойно.

Алджернон. Когда я расстроен, единственное, что меня успокаивает, – это еда. Люди, которые меня хорошо знают, могут засвидетельствовать, что в случае крупных неприятностей я от всего отказываюсь, кроме еды и питья. Вот и сейчас я ем эти булочки только потому, что несчастлив. Кроме того, я ужасно люблю домашние булочки. (*Встает*.)

Джек (*тоже встает*). Но это еще не причина, почему ты решил проглотить их все без остатка. (*Забирает у Алджернона блюдо с булочками*.)

Алджернон (*протягивает ему кекс с изюмом*). Может быть, ты съешь вместо булочек этот кекс? Я лично не люблю кексов.

Джек. Черт возьми! Неужели человек не может себе позволить есть свои собственные булочки в своем собственном доме?

Алджернон. Но ты только что утверждал, что есть булочки бессердечно.

Джек. Я говорил, что это бессердечно с твоей стороны, особенно при данных обстоятельствах. А это совсем другое дело.

Алджернон. Может быть. Но булочки-то ведь те же самые. *(Отбирает у Дджека блюдо с булочками.)*

Джек. Алджи, прошу тебя, уезжай ради Бога!

Алджернон. Ты ведь не станешь меня выпроваживать без обеда. Это был бы чистый абсурд. Я никогда не уезжаю не пообедав. На такое способны одни лишь вегетарианцы и подобные им субъекты. А кроме того, я только что договорился с доктором Чезьюблом, что он окрестит меня, так что без четверти шесть я стану Эрнестом.

Джек. Дорогой мой, чем скорее ты выкинешь из головы эту блажь, тем лучше. Это я договорился сегодня утром с доктором Чезьюблом о том, что в половине шестого он окрестит меня, и я, разумеется, возьму себе имя Эрнест. Гвендолен одобрила бы это. Не можем же мы оба быть названы одним именем. Это было бы просто нелепо. Кроме того, я, в отличие от тебя, имею право креститься. Нет никаких доказательств, что я был крещен. Скорее всего, не был; доктор Чезьюбл придерживается того же мнения. Ну а с тобой дела обстоят иначе. Ты-то уж наверняка был крещен.

Алджернон. Да, но меня не крестили многие уже годы.

Джек. Пусть так, но один раз ты ведь все-таки был крещен. А это самое главное в таких делах.

Алджернон. Это верно. В том смысле, что я уж наверняка знаю: мой организм это испытание выдержит. А вот ты сомневаешься, подвергался ли ты этой процедуре или нет, так что для тебя она может оказаться рискованной. Может быть причиной серьезной болезни. Не забывай, что всего неделю назад твой ближайший родственник чуть не скончался в Париже от острой простуды.

Джек. Да, но ты ведь сам сказал, что простуда – болезнь не наследственная.

Алджернон. Знаю. Так считали когда-то, но так ли это сейчас? Наука идет вперед семимильными шагами.

Джек. Могу я поинтересоваться, Алджи, что ты собираешься делать?

Алджернон. Ничего. Это то, что я пытаюсь делать последние десять минут, тогда как ты делаешь все от тебя зависящее, чтобы отвлечь меня от этого занятия.

Джек. Ну а я собираюсь выйти в сад и поговорить с Гвендолен. У меня такое ощущение, что она ждет меня.

Алджернон. Судя по той исключительно холодной манере, с которой ко мне обращалась Сесили, она меня тоже там ждет, поэтому я ни в коем случае выходить в сад не буду. Если мужчина делает то, чего от него ожидает женщина, она никогда не будет о нем высокого мнения. Нужно всегда делать то, чего женщина от тебя не ждет, и говорить ей то, чего она не понимает. И тогда между обеими сторонами будет полное взаимопонимание.

Джек. Какая чепуха. Ты всегда говоришь чепуху.

Алджернон. Гораздо разумнее говорить чепуху, чем выслушивать ее, мой дорогой друг, причем первое встречается гораздо реже, чем второе, несмотря на все то, что принято говорить на этот счет.

Джек. Я не слушаю тебя. Я не могу тебя слушать.

Алджернон. Это не что иное, как ложная скромность. Ты прекрасно знаешь, что если постараешься, то сможешь меня слушать. Ты вечно недооцениваешь себя, а это глупо, учитывая, сколько вокруг самонадеянных людей... **Джек,** ты снова ешь булочки! Мне это не нравится. Осталось всего лишь две. *(Берет блюдо с тем, что осталось.)* Я ведь тебе сказал, что обожаю сдобные булочки.

Джек. А я ненавижу кексы.

Алджернон. С какой тогда стати ты угощаешь ими гостей? Странное у тебя представление

о гостеприимстве.

Джек (*раздраженно*). Ну при чем тут кексы?! Мы ведь говорим не о них. (*Подходит к Алджернону ближе.*) Алджи, ты меня просто бесишь. Почему ты никогда не можешь придерживаться сути разговора?

Алджернон (*медленно выговаривая слова*). Потому что мне это вредно.

Джек. Черт возьми, кого ты из себя строишь? Терпеть не могу, когда кого-то из себя строят.

Алджернон. Что я тебе могу ответить, друг мой? Если тебе не нравится, когда кого-то из себя строят, если, иными словами, тебе не нравится поза, тогда я вообще не понимаю, что тебе может нравиться. Кроме того, это не поза. Придерживаться сути разговора мне действительно противопоказано. От этого я испытываю настоящую боль, а я ненавижу любую физическую боль.

Джек (*ходит взад и вперед по сцене, время от времени бросая на Алджернона яростные взгляды. В конце концов подходит к чайному столику*). Алджи, сколько раз тебе повторять, чтобы ты уезжал? Твое присутствие здесь нежелательно. Почему ты не уезжаешь?

Алджернон. Я еще не допил свой чай. И у меня осталась еще одна булочка. (*Берет последнюю булочку.*)

Джек со стоном опускается в кресло и закрывает лицо руками.

Занавес

Действие четвертое

Гостиная в доме мистера Уординга. **Джек** и **Алджернон** – на тех же местах и в тех же позах, что в конце третьего действия. В глубине сцены, из сада, появляются **Гвендолен** и **Сесили**.

Гвендолен. То, что они не сразу пошли за нами в сад, как можно было бы ожидать от других молодых людей, доказывает, что они еще не совсем потеряли стыд.

Сесили. Они ели булочки. Это говорит о раскаянии.

Гвендолен (*после небольшой паузы*). Они, кажется, не заметили, что мы вошли. Может быть, вы покашляете?

Сесили. Но у меня уже прошел кашель.

Гвендолен. А сейчас они смотрят на нас. Какое бесстыдство!

Сесили. Они приближаются к нам. Какая самонадеянность!

Гвендолен. Будем хранить гордое молчание.

Сесили. Да, ничего другого не остается.

Джек и **Алджернон** насвистывают невероятно знакомую арию из какой-то английской оперы.

Гвендолен. Гордое молчание, как мне кажется, производит на них нежелательное впечатление.

Сесили. Да, я бы даже сказала, угнетающее.

Гвендолен. Но мы ни за что не заговорим первыми.

Сесили. Разумеется, нет.

Гвендолен. Мистер Уординг, я хочу у вас спросить нечто важное, и от вашего ответа зависит многое.

Сесили. Гвендолен, ваша находчивость меня восхищает. Мистер Монкрифф, будьте добры, ответьте мне вот на какой вопрос: для чего вы пытались выдать себя за брата моего опекуна?

Алджернон. Чтобы иметь предлог познакомиться с вами.

Сесили (*обращаясь к Гвендолен*). На мой взгляд, это вполне удовлетворительное объясне-

ние. А вы как считаете?

Гвендолен. Да, моя дорогая, если, конечно, ему можно верить.

Сесили. Я лично не верю. Но это не умаляет поразительной красоты его ответа.

Гвендолен. Вы правы. В важных вопросах главное не искренность, а стиль. Мистер Уординг, чем вы объясните историю с вымышленным братом? Может быть, вы на это пошли, чтобы иметь предлог выбираться в Лондон и почаще видеть меня?

Джек. Неужели вы можете сомневаться в этом, мисс Ферфакс?

Гвендолен. У меня на этот счет большие сомнения. Но я решила пренебречь ими. Сейчас не время для скептицизма в духе немецких философов. *(Подходит к Сесили.)* Их объяснения кажутся мне удовлетворительными, особенно объяснение мистера Уординга. В нем есть какая-то завораживающая правдивость.

Сесили. Меня вполне устраивает то, что сказал мистер Монкрифф. Одного его голоса достаточно, чтобы вселить в меня абсолютное доверие.

Гвендолен. Так вы думаете – мы можем простить их?

Сесили. Да. То есть нет.

Гвендолен. Верно! Я совсем позабыла. На карту поставлены принципы, и нам нельзя уступать. Но кто из нас скажет им об этом? Обязанность не из приятных.

Сесили. А не можем ли мы сказать это одновременно вдвоем?

Гвендолен. Прекрасная мысль! Я всегда говорю одновременно со своими собеседниками. Только говорите со мною в такт, ладно?

Сесили. Хорошо.

Гвендолен отбивает рукой такт.

Гвендолен и Сесили *(говорят вместе)*. Непреодолимым препятствием по-прежнему являются ваши имена. Так и знайте!

Джек и Алджернон *(тоже говорят вместе)*. Наши имена? И ничего больше? Но нас сегодня должны крестить.

Гвендолен *(Джеку)*. И вы готовы совершить этот подвиг ради меня?

Джек. Да, ради вас!

Сесили *(Алджернону)*. А вы – вы согласны пойти на эту муку, чтобы угодить мне?

Алджернон. Да, чтобы угодить вам!

Гвендолен. Как все-таки глупо говорить о равенстве полов. Когда речь идет о самопожертвовании, нам очень далеко до мужчин.

Джек. Да, мы такие! *(Обмениваются с Алджерноном рукопожатием.)*

Сесили. Они порой проявляют такое мужество, о котором мы, женщины, и понятия не имеем.

Гвендолен *(обращаясь к Джеку)*. Любимый! *(Бросаются друг другу в объятия.)*

Алджернон *(обращаясь к Сесили)*. Любимая! *(Бросаются друг другу в объятия.)*

Обе пары стоят обнявшись. Входит **Мерримен**. Чтобы привлечь к себе внимание, громко кашляет.

Мерримен. Кхе!.. Кхе!.. *(Докладывает.)* Леди Брэкнелл.

Джек. Боже милостивый!..

Входит леди **Брэкнелл**. Влюбленные поспешно отстраняются друг от друга. **Мерримен** уходит.

Леди Брэкнелл. Гвендолен! Что это значит?

Гвендолен. Всего лишь то, что я помолвлена с мистером Уордингом, мама.

Леди Брэкнелл. Иди-ка сюда и садись. Садись, тебе говорят. Нерешительность – это при-

знак душевного разлада у молодых и физического угасания у старых. (*Поворачивается к Джеку.*) Сэр, узнав о внезапном исчезновении моей дочери от ее горничной, которой дочь полностью доверяет и язык которой я развязала с помощью небольшого денежного вознаграждения, я тотчас же последовала за ней в почтовом поезде. Ее бедный отец почему-то решил – и я рада, что ему пришла в голову эта странная мысль, – будто она сейчас присутствует на чересчур затянувшейся популярной лекции (одной из тех, которые университет организует для широкой публики) о влиянии ренты на развитие мысли. Я не собираюсь выводить его из этого заблуждения. Я никогда не выводила его из всяческого рода заблуждений. Это было бы бессердечно. Но вы, конечно, сами прекрасно понимаете, что любые отношения между вами и моей дочерью должны быть с этого момента прекращены. В этом вопросе, как, впрочем, и в любых других, я не пойду ни на какие уступки.

Джек. Но я помолвлен с Гвендолен, леди Брэкнелл!

Леди Брэкнелл. Выбросьте это из головы, сэр. Ну а что касается Алджернона... Алджернон!

Алджернон. Да, тетя Огаста.

Леди Брэкнелл. Скажи мне, а не в этом ли доме проживает твой болезненный друг, мистер Банбери?

Алджернон (*запинаясь*). Нет, нет, Банбери здесь не живет... Банбери сейчас в другом месте... А по правде говоря, Банбери умер.

Леди Брэкнелл. Умер?.. Когда умер? Должно быть, его смерть была чрезвычайно скоропостижной.

Алджернон (*с беспечным видом*). В общем, я его сегодня убил... То есть я хочу сказать – бедняга Банбери умер сегодня после обеда.

Леди Брэкнелл. И от чего же он умер?

Алджернон. Банбери?.. Ну, он... он просто был ликвидирован...

Леди Брэкнелл. Ликвидирован? Ты хочешь сказать, он стал жертвой этих ужасных революционеров? Но ты мне не говорил, что мистер Банбери участвует в политической жизни. В таком случае он был наказан за свой нездоровый интерес к политике.

Алджернон. Дорогая тетя Огаста, я хотел лишь сказать, что его разоблачили. Врачи разоблачили его в том, что он водит их за нос, продолжая жить с такими неизлечимыми болезнями. Вот он и умер.

Леди Брэкнелл. Он, надо полагать, очень верил своим врачам и всецело полагался на их мнение. Во всяком случае, я рада слышать, что он наконец-то выбрал четкую линию поведения и действовал в соответствии с рекомендациями медиков. А теперь, когда мы окончательно избавились от этого мистера Банбери, позволено ли мне будет спросить, мистер Уординг, кто эта молодая особа, чью руку совершенно неподобающим, на мой взгляд, образом держит в настоящий момент мой племянник Алджернон?

Джек. Эта леди – мисс Сесили Кардью, чьим опекуном я являюсь.

Леди Брэкнелл холодно кивает Сесили.

Алджернон. Я помолвлен с Сесили, тетя Огаста.

Леди Брэкнелл. Что, что?

Сесили. Мы с мистером Монкриффом помолвлены, леди Брэкнелл.

Леди Брэкнелл (*содрогнувшись, идет к дивану и садится*). Не знаю, может быть, воздух в этой части Хартфордшира действует на людей каким-то возбуждающим образом, но только число помолвок, о которых здесь узнаешь, явно превышает средний статистический уровень. Я полагаю, с моей стороны будет уместно задать несколько предварительных вопросов. Скажите, мистер Уординг, происхождение мисс Кардью тоже имеет отношение к одному из лондонских вокзалов? Мне просто нужно знать факты. До вчерашнего дня я даже не подозревала, что могут существовать семьи или отдельные лица, которые ведут начало от железнодорожных конечных пунктов вроде станции Виктория.

Джек явно взбешен, но берет себя в руки.

Джек (*говорит холодно, четко выговаривая слова*). Мисс Кардью – внучка покойного мистера Томаса Кардью, проживавшего по адресу: дом 149 на Белгрейв-сквер, юго-западный Лондон; другие адреса: поместье Джервейс-парк, Доркинг, Суррей, и поместье Спорран, Файфшир, Шотландия.

Леди Брэкнелл. Звучит более или менее удовлетворительно. Сразу три адреса вызывают доверие, даже если речь идет о торговцах. Но где гарантия, что адреса не вымышленные?

Джек. У меня сохранились выпуски «Придворного альманаха» за те годы. Они в вашем распоряжении, леди Брэкнелл.

Леди Брэкнелл (*мрачно*). Мне попадались в высшей мере странные опечатки в этом издании.

Джек. Дела мисс Кардью ведет фирма поверенных «Маркби, Маркби и Маркби», Линкольн-Инн-Филдз, 149-а, Лондон, Уэст-Энд, центр. Не сомневаюсь, они будут рады предоставить вам любую интересующую вас информацию. Принимают они с десяти до четырех.

Леди Брэкнелл. «Маркби, Маркби и Маркби»? Да, фирма с весьма высокой репутацией. Мне даже говорили, что какого-то из мистеров Маркби видели на двух-трех званых обедах. Ну что ж, пока что я удовлетворена вашими ответами.

Джек (*крайне раздраженно*). Как это любезно с вашей стороны, леди Брэкнелл! Могу также добавить – и надеюсь, вы будете рады это услышать, – что я располагаю всеми необходимыми документами, подтверждающими различные обстоятельства и факты из жизни мисс Кардью – рождение, крещение, коклюш, прививки, конфирмацию и корь, причем как в немецкой, так и в английской ее разновидностях.

Леди Брэкнелл. О, я вижу, в ее жизни была масса волнующих событий – может быть, даже слишком волнующих для такой юной особы. Я лично не одобряю преждевременной опытности у молоденьких девушек. (*Встает, смотрит на часы.*) Гвендолен, приближается время нашего отъезда. Нам нельзя терять ни минуты... Да, мистер Уординг, еще один вопрос, чисто для проформы: обладает ли мисс Кардью хоть каким-нибудь состоянием?

Джек. Ее состояние – около ста тридцати тысяч фунтов в государственных ценных бумагах... Ну что ж, леди Брэкнелл, прощайте. Был рад побеседовать с вами.

Леди Брэкнелл (*снова усаживается*). Минутку, мистер Уординг, минутку. Вы говорите, сто тридцать тысяч?! И в государственных ценных бумагах?!.. Вы знаете, вот я смотрю на мисс Кардью и все более прихожу к выводу, что она в высшей степени привлекательная молодая леди. Немногие девушки в наше время могут похвастаться такими необходимыми в жизни качествами, которыми она обладает, – качествами, которые с течением времени не утрачиваются, а лишь развиваются и совершенствуются. И это тем более вызывает восхищение, что мы живем, как это ни прискорбно, в век поверхностных достоинств и чувств. (*Обращаясь к Сесили.*) Подойдите ко мне, милочка. (*Сесили подходит к ней ближе.*) Бедное дитя, платье у вас совсем простенькое, а волосы, пожалуй, остались точно такими, какими их создала природа. Ничего, мы все это скоро поправим. Опытные французские камеристки добиваются просто поразительных результатов, причем за самое короткое время. Помню, я порекомендовала одну такую особу моей приятельнице, леди Лансинг, и через три месяца ее перестал узнавать собственный муж.

Джек. А через шесть месяцев ее вообще никто не узнавал.

Леди Брэкнелл (*пронзает Джека уничтожающим взглядом, затем с отработанным за многие годы улыбкой обращается к Сесили*). Пожалуйста, повернитесь, дорогое дитя. (*Сесили поворачивается на триста шестьдесят градусов.*) Нет, нет, я хочу видеть вас сбоку. (*Сесили становится боком.*) Что ж, мои лучшие ожидания оправдались. Ваш профиль меня обнадеживает. С таким профилем можно достигнуть большого успеха в обществе. У нашего века два достойных сожаления недостатка – отсутствие принципов и отсутствие подбородка. Кстати, держите подбородок чуть выше, дорогая. Стиль главным образом зависит от того, как держать подбородок. Теперь его держат очень высоко. Алджернон!

Алджернон. Да, тетя Огаста?

Леди Брэнкнелл. С таким профилем мисс Кардью может рассчитывать на успех в обществе.

Алджернон. Сесили – самая милая, самая славная, самая прелестная девушка на свете. И мне дела нет до ее успехов в обществе.

Леди Брэнкнелл. Никогда не говори неуважительно о высшем обществе, Алджернон. Так поступают только те, кому закрыт туда доступ. *(Обращается к Сесили.)* Дитя мое, вы, конечно, знаете, что у Алджернона нет ничего, кроме долгов? Но я не сторонница браков по расчету. Когда я выходила за лорда Брэнкнелла, у меня ни пенни не было за душой. Однако я и мысли не допускала, что это может явиться для меня препятствием. Ну хорошо, я полагаю, что должна дать согласие на ваш брак.

Алджернон. Благодарю вас, тетя Огаста!

Леди Брэнкнелл. Сесили, можете меня поцеловать.

Сесили *(целует ее)*. Благодарю вас, леди Брэнкнелл.

Леди Брэнкнелл. Вы тоже можете называть меня тетей Огастой.

Сесили. Благодарю вас, тетя Огаста.

Леди Брэнкнелл. Бракосочетание, я думаю, не стоит откладывать.

Алджернон. Благодарю вас, тетя Огаста.

Сесили. Благодарю вас, тетя Огаста.

Леди Брэнкнелл. По правде говоря, я не одобряю продолжительных помолвок. Это дает будущим супругам возможность лучше узнать друг друга, что, по-моему, совершенно недопустимо.

Джек. Прошу прощения, что прерываю вас, леди Брэнкнелл, но ни о какой помолвке не может быть и речи. Я опекун мисс Кардью, и до совершеннолетия она не может выйти замуж без моего согласия. А дать такое согласие я решительно отказываюсь.

Леди Брэнкнелл. На каком основании, позвольте спросить? Алджернон, можно сказать, на редкость завидный жених. У него за душой нет ни пенни, но с виду он миллионер. Чего же еще желать?

Джек. Мне не хотелось бы вас огорчать, леди Брэнкнелл, но вынужден откровенно сказать, что меня не устраивает моральный облик вашего племянника. Я подозреваю, что он неискренний, я бы даже сказал лживый человек.

Алджернон и Сесили смотрят на него с изумлением и негодованием.

Леди Брэнкнелл. Неискренний, лживый человек? Мой племянник Алджернон? Исключено! Он ведь выпускник Оксфорда!

Джек. Боюсь, что сомнений здесь быть не может. Сегодня, когда я был в Лондоне по очень важному личному делу, он, выдав себя за моего брата, проник ко мне в дом и, назвав себя вымышленным именем, выпил, как мне только что сообщил мой дворецкий, целую бутылку сухого шампанского «Перье-Жуэ» тысяча восемьсот восемьдесят девятого года – вина, которое я специально приберегал для себя. Продолжая бесстыдно выдавать себя за другого, он за каких-то пару часов умудрился завоевать сердце юной девушки, чьим опекуном я являюсь, посчитав это достаточным основанием, чтобы остаться пить чай и проглотить все до единой домашние булочки. Поведение его тем более непростительно, что он с самого начала прекрасно знал, что у меня нет и никогда не было братьев и что я не имею намерения в ближайшем будущем обзаводиться ими. Я совершенно определенно дал ему это понять еще вчера вечером.

Сесили. Но, дорогой дядя Джек, вы ведь весь этот год давали нам понять, что у вас есть младший брат. Вы только об этом и говорили. Алджи лишь подтвердил ваши слова, и я думаю, он поступил благородно.

Джек. Извини меня, Сесили, но ты слишком молода, чтобы разбираться в подобных вещах. Присочинить какую-нибудь историю, выдумать несуществующую личность – для всего этого в наш коммерческий век нужна незаурядная смелость. Мало кто из современных романистов отваживается на такое. Ни для кого не секрет, что они попросту не умеют этого делать. Но, с дру-

гой стороны, потворствовать чужим выдумкам, быть соучастником обмана – это уже проявление малодушия. Газеты постоянно занимаются этим, перепевая несусветный вымысел, который первоначально печатает одна из них. Настоящий джентльмен так не поступает, он никогда не потворствует лжи.

Алджернон (*разгневанно*). Ну, знаешь, Джек, это уже слишком!

Леди Брэнкнелл. Кхм!.. Мистер Уординг, по здравом размышлении я решила не придавать большого значения тому, как вел себя мой племянник по отношению к вам.

Джек. Чрезвычайно великодушно с вашей стороны, леди Брэнкнелл. И все же мое решение бесповоротно. Я отказываюсь дать согласие.

Леди Брэнкнелл (*обращаясь к Сесили*). Подойдите ко мне, милое дитя. (*Сесили подходит*.) Сколько вам лет, дорогая?

Сесили. По правде говоря, только восемнадцать, но на званых обедах и вечерах я всегда даю понять, что мне двадцать.

Леди Брэнкнелл. Вы совершенно правы, внося эту маленькую поправку. Женщина никогда не должна быть слишком точной в отношении своего возраста. Это отдает педантизмом... (*Размышляя вслух*.) Восемнадцать, но на званых вечерах двадцать. Что ж, не так уж много осталось до совершеннолетия и освобождения от оков опекунов... Так что согласие или несогласие вашего опекуна не имеет такого уж большого значения.

Джек. Простите, что снова прерываю вас, леди Брэнкнелл, но считаю своим долгом сообщить вам, что, согласно завещанию бабушки мисс Кардью, срок опекунов над нею установлен до достижения ею тридцатипятилетнего возраста.

Леди Брэнкнелл. Ну, мне это тоже не кажется серьезной помехой. Тридцать пять лет – самый расцвет для женщины. В лондонском обществе сколько угодно женщин самого знатного происхождения, которые по собственной воле на протяжении многих лет остаются тридцатипятилетними. Леди Дамблтон, например. Насколько мне известно, ей тридцать пять с тех самых пор, как ей исполнилось сорок, а это было уже Бог знает сколько лет назад. Я не вижу причин, почему бы нашей дорогой Сесили не стать в упомянутом вами возрасте еще более привлекательной, чем в настоящее время. К тому времени ее состояние будет значительно больше.

Сесили (*обращаясь к Джеку*). А вы уверены, что я действительно не могу без вашего согласия выйти замуж до тридцатипятилетнего возраста?

Джек. Предусмотрев этот пункт в своем завещании, твой дедушка, Сесили, поступил очень мудро. Он несомненно предвидел возникновение сложных ситуаций, подобных сегодняшней.

Сесили. В таком случае, у бабушки, должно быть, было потрясающее воображение. Алджи... готовы ли вы ждать, пока мне исполнится тридцать пять? Только не торопитесь с ответом. Это очень серьезный вопрос, и от того, как вы ответите на него, зависит судьба моего счастья – впрочем, и вашего тоже.

Алджернон. О, Сесили, конечно, готов! Об этом вы могли и не спрашивать. Я готов ждать вас целую вечность. Вы это и сами прекрасно знаете.

Сесили. В глубине души я об этом догадывалась, но все дело в том, что я сама не смогу столько ждать. Для меня и пять минут ждать – настоящая пытка. Это меня всегда раздражает. Сама я не отличаюсь точностью, это правда, но в других люблю пунктуальность, и ждать столько лет, пусть даже своей собственной свадьбы, – об этом и речи не может быть.

Алджернон. Тогда что же нам делать, Сесили?

Сесили. Не знаю, мистер Монкрифф.

Леди Брэнкнелл. Дорогой мистер Уординг, поскольку мисс Кардью недвусмысленно дала понять, что до тридцати пяти лет она ждать не собирается, – а ее слова, должна вскользь заметить, свидетельствуют о некоторой нетерпеливости ее характера, – я просила бы вас пересмотреть ваше решение.

Джек. Но, дорогая леди Брэнкнелл, вопрос этот всецело зависит от вас. В ту самую минуту, как вы согласитесь на мой брак с Гвендолен, я с превеликой радостью разрешу вашему племяннику сочетаться браком с моей подопечной.

Леди Брэнкнелл (*вставая и горделиво выпрямляясь*). Вы сами должны понимать, что ваше

предложение абсолютно неприемлемо.

Джек. Тогда наш общий удел – исполненное любовного томления безбрачие.

Леди Брэнкнелл. Что касается Гвендолен, ей это не угрожает – я уж позабочусь об этом. А вот Алджернон пусть решает сам. (*Достаёт часы.*) Пойдем, дорогая. (*Гвендолен встает.*) Мы и так уже пропустили пять, если не шесть поездов. Это может вызвать нежелательные разговоры на станции.

Входит доктор **Чезьюбл.**

Чезьюбл. Все готово для обряда крещения.

Леди Брэнкнелл. Крещения, сэр? Не преждевременно ли?

Чезьюбл (*с несколько озадаченным видом указывая на Джека и Алджернона*). Оба эти джентльмена выразили желание немедленно подвергнуться крещению.

Леди Брэнкнелл. В их-то возрасте? Это нелепая и святотатственная затея. Алджернон, я запрещаю тебе креститься. И слышать не хочу о таких твоих выходках. Лорд Брэнкнелл был бы страшно расстроен, если бы узнал, на что ты тратишь время и деньги.

Чезьюбл. Следует ли это так понимать, что сегодня крещений не будет?

Джек. При сложившихся обстоятельствах, уважаемый доктор Чезьюбл, крещение для нас уже не имеет значения.

Чезьюбл. Мне прискорбно слышать, мистер Уординг, с каким пренебрежением вы говорите об этом священнодействии. Это отдаёт еретическими взглядами анабаптистов²⁶ – взглядами, которые я полностью опровергаю в четырех из моих неопубликованных проповедей. Об обряде крещения нельзя говорить как о чем-то несерьезном. В сущности (и этого мнения придерживались все без исключения отцы церкви), крещение – это своего рода второе рождение человека. Ну а что касается взрослых, то их принудительное крещение, за единственным исключением диких племен, считается церковью, увы, неканоническим, а посему я поспешу возвратиться в церковь. К тому же, как мне только что сообщили, в ризнице меня уже полтора часа дожидается мисс Призм.

Леди Брэнкнелл (*встрепенувшись*). Мисс Призм? Вы, кажется, упомянули имя мисс Призм?

Чезьюбл. Да, леди Брэнкнелл, мне сейчас предстоит встреча с мисс Призм.

Леди Брэнкнелл. Позвольте задержать вас на минутку. Этот вопрос может иметь огромное значение для лорда Брэнкнелла и для меня самой. Не является ли эта мисс Призм особой отталкивающей наружности и не имеет ли она отдаленного отношения к воспитанию детей?

Чезьюбл (*с некоторым негодованием*). Это одна из самых просвещенных женщин, которых мне приходилось встречать, и она само воплощение респектабельности.

Леди Брэнкнелл. Значит, это она и есть. Могу ли я осведомиться, какое положение занимает она в вашем доме?

Чезьюбл (*сухо*). Я холост, мадам.

Джек (*вмешиваясь*). К вашему сведению, леди Брэнкнелл, уважаемая мисс Призм вот уже три года является гувернанткой и компаньонкой мисс Кардью, и я не знаю, что бы мы без нее делали.

Леди Брэнкнелл. Несмотря на все эти восторженные отзывы, я должна с ней немедленно поговорить. Пусть за ней пошлют!

Чезьюбл (*оглядываясь*). Она и сама сюда идет, она уже близко.

Торопливо входит **мисс Призм.**

Мисс Призм. Мне сказали, что вы ожидаете меня в ризнице, дорогой каноник. Я прождала

²⁶ Анабаптисты (или перекрещенцы) – религиозные сектанты, выступавшие против крещения в младенческом возрасте, поскольку, по их мнению, этот обряд должен быть сознательным актом.

вас там ровно час и сорок пять минут. (*Замечает леди Брэкнелл, которая не сводит с нее испепеляющего взгляда. Мисс Призм бледнеет, она явно испугана. Беспокойно озирается, словно ищет путей к бегству.*)

Леди Брэкнелл (*безжалостным прокурорским тоном*). Призм! (*Мисс Призм виновато опускает голову.*) Ну-ка подойдите сюда, Призм! (*Мисс Призм робко приближается к ней.*) Призм! Где ребенок? (*Всеобщее оцепенение. Каноник в ужасе отступает на шаг назад. Алджернон и Джек стоят с таким видом, словно готовы в любую секунду оградить Сесили и Гвендолен от созерцания леденящей сцены предстоящего разоблачения.*) Двадцать восемь лет тому назад, Призм, вы вышли из дома лорда Брэкнелла, что на Гроувенор-стрит, 104, везя перед собой детскую коляску, в которой лежал младенец мужского пола, и больше не вернулись. Через несколько недель, в результате настойчивых поисков, столичной полиции удалось где-то около полуночи обнаружить детскую коляску в одном из уголков Бейзуотера²⁷. В коляске лежала трехтомная рукопись тошнотворно сентиментального романа. (*Испуг на лице мисс Призм на мгновение сменяется негодованием.*) Но никакого ребенка там не было! (*Все смотрят на мисс Призм.*) Призм, где этот ребенок?

Пауза.

Мисс Призм. Леди Брэкнелл, мне стыдно в этом признаться, но я не знаю. Ах, если б я только знала!.. А произошло это так. В то памятное утро я, как и обычно, собралась вывезти мальчика на прогулку. Я также хотела взять с собой довольно старый, вместительный саквояж, куда я должна была положить рукопись художественного произведения, сочиненного мною в те немногие часы досуга, которые мне иногда удавалось урвать от работы. По рассеянности, которой я никогда себе не прощу, я положила рукопись в коляску, а ребенка в саквояж.

Джек (*слушает ее рассказ со все возрастающим вниманием*). И куда вы дели тот саквояж?

Мисс Призм. Ах, не спрашивайте, мистер Уординг!

Джек. Мисс Призм, для меня это чрезвычайно важно. Я настаиваю на том, чтобы вы мне сказали, куда подевался саквояж с младенцем.

Мисс Призм. Я оставила его в камере хранения одного из крупных железнодорожных вокзалов Лондона.

Джек. Какого именно вокзала?

Мисс Призм (*совершенно раздавлена*). Брайтонская платформа вокзала Виктория. (*Бесильно опускается в кресло.*)

Леди Брэкнелл. Я искренне надеюсь, что сейчас не выяснится ничего невероятного. Все невероятное отдает дурным или, во всяком случае, сомнительным вкусом.

Джек. Я на минуту сбегая в свою комнату.

Чезьюбл. У меня такое впечатление, что эта новость вывела вас из душевного равновесия. Хочу надеяться, ненадолго.

Джек. Я мигом вернусь, дорогой каноник. Гвендолен, ждите меня здесь.

Гвендолен. Если вы ненадолго, я готова вас ждать хоть целую жизнь.

Джек в крайнем волнении удаляется.

Чезьюбл. Что это может означать, как вы думаете, леди Брэкнелл?

Леди Брэкнелл. Боюсь даже что-нибудь предполагать, доктор Чезьюбл. Едва ли вам надо напоминать, что в аристократических семьях всяческие странные совпадения никогда не имеют место. Они считаются крайне нереспектабельными.

Сверху слышится какой-то шум, словно кто-то передвигает тяжелые сундуки. Все смотрят на потолок.

²⁷ Бейзуотер – фешенебельный район Лондона вблизи Гайд-парка.

Сесили. Дядя Джек ужасно чем-то взволнован.

Чезьюбл. У вашего опекуна необычайно эмоциональная натура.

Леди Брэкнелл. Какой раздражающий шум! Впечатление, что он там ссорится с мебелью. Мне ненавистны ссоры любого рода. Они всегда вульгарны, хоть и действуют иногда убеждающе.

Чезьюбл (*снова посмотрев на потолок*). Ну вот, кажется прекратилось.

Шум возобновляется с удвоенной силой.

Леди Брэкнелл. Хотелось бы, чтобы он наконец выяснил отношения с мебелью и определился бы победитель.

Гвендолен. Это ожидание невыносимо. Надеюсь, оно никогда не закончится.

Входит **Джек**. В руке у него черный кожаный саквояж.

Джек (*устремляется к мисс Призм*). Это тот саквояж, мисс Призм? Осмотрите его внимательно, прежде чем отвечать. От вашего ответа зависит счастье сразу нескольких человек.

Мисс Призм (*ровным голосом*). Кажется, тот. Да, точно – вот следы, оставшиеся после аварии омнибуса на Гауэр-стрит; это было в далекие безоблачные дни моей юности. А вот пятно на подкладке от разбившейся бутылки с каким-то напитком, разумеется безалкогольным, – это случилось в Лимингтоне. А здесь, на замке, мои инициалы. Уж не помню, под влиянием какого причудливого настроения я их там нацарапала. Да, саквояж безусловно мой. Очень рада, что он так неожиданно нашелся. Обходиться без него все эти годы было непросто.

Джек (*взволнованно*). Мисс Призм, нашелся не только саквояж. Нашелся и я – тот самый ребенок, которого вы туда положили.

Мисс Призм (*пораженная*). Вы тот самый ребенок?

Джек (*обнимая ее*). Да... мама!

Мисс Призм (*шокированная, отшатывается от него и произносит с негодованием*). Мистер Уординг! Я никогда не была замужем!

Джек. Не были замужем?.. Что ж, не стану отрицать, для меня это тяжелый удар. Но, в конце концов, кто из нас осмелится бросить камень в женщину, которая столько выстрадала? Неужели искреннее раскаяние не может искупить ту безрассудную минуту, когда женщина проявила слабость? Почему для мужчин должны быть одни законы, а для женщин – другие? Мама, я прощаю тебя. (*Снова пытается ее обнять*.)

Мисс Призм (*еще более негодуя*). Мистер Уординг, здесь какое-то ужасное недоразумение. Материнство не является одним из тех немногих событий, которые происходили в моей жизни. И ваше предположение, если бы оно не было высказано в присутствии столь многих людей, звучало бы почти неприлично. (*Указывает на леди Брэкнелл*.) Вот та женщина, которая может сказать, кто вы на самом деле. (*Удаляется в глубину сцены*.)

Джек (*после небольшой паузы*). Леди Брэкнелл! Простите меня за несколько докучливое любопытство, но не будете ли вы любезны сообщить, кто я на самом деле?

Леди Брэкнелл. Боюсь, мой ответ придется вам не по вкусу. Вы сын моей бедной покойной сестры, миссис Монкрифф, а следовательно, старший брат Алджернона.

Джек. Старший брат Алджи! Так, значит, у меня все-таки есть брат! Я так и знал, что у меня есть брат. Я всегда говорил, что у меня есть брат. Сесили, как ты могла сомневаться в этом? (*Хватает Алджернона за плечи*.) Доктор Чезьюбл, это и есть мой беспутный братец! Мисс Призм, взгляните, это действительно мой брат! Гвендолен, как вам это нравится – мой родной брат! Алджи, ах ты юный негодник, ты теперь должен проявлять ко мне гораздо большее уважение. Ты ведь никогда в жизни не относился ко мне как к старшему брату.

Алджернон. Да, каюсь, старина, было дело. (*Пожимают Джеку руку*.) Я старался как мог, но у меня не было опыта.

Гвендолен (*обращаясь к Джеку*). Любимый!

Джек. Любимая!

Леди Брэнкнелл. В свете этого странного и непредвиденного развития событий вы можете поцеловать вашу тетю Огасту.

Джек (*не двигаясь с места*). Я чувствую себя обалдевшим от счастья (*целует Гвендолен*) и не очень соображаю, кого целую.

Алджернон пользуется удобным случаем и целует **Сесили**.

Гвендолен. Надеюсь, я больше никогда от вас не услышу подобного рода слов.

Мисс Призм (*неуверенно приближается к Джеку и, слегка прокашлявшись, произносит*). Мистер Уординг... а вернее, мистер Монкрифф, как надлежит вас теперь называть... После всего того, что произошло, я считаю себя обязанной отказаться от места гувернантки в этом доме. А за те неудобства, которые я вам причинила в младенчестве, без всякого злого умысла поместив вас в саквояж, я приношу мои самые глубокие и искренние извинения.

Джек. Забудьте об этом, дорогая мисс Призм. Забудьте обо всем неприятном. Я уверен, что отлично провел время в вашем симпатичном и уютном саквояже, несмотря на небольшие повреждения, полученные им в результате аварии омнибуса в безоблачные дни вашей юности. А что касается вашего ухода от нас, об этом не может быть и речи.

Мисс Призм. Но уйти – это попросту мой долг. Мне нечему больше учить дорогую Сесили. В постижении сложного искусства вступления в брак моя милая, талантливая ученица намного превзошла свою учительницу.

Чезьюбл. Одну минутку... Летиция!

Мисс Призм. Да, доктор Чезьюбл!

Чезьюбл. Летиция, я пришел к заключению, что христианская церковь первых веков в некоторых вопросах все-таки ошибалась. Хотя, возможно, это объясняется тем, что в древние тексты вкрались ошибки... Словом, я имею честь просить вашей руки.

Мисс Призм. Фредерик, в данный момент я не в состоянии найти нужных слов, которые выразили бы то, что пылает в моем сердце. Но вечером я отправлю вам три последние тетради моего дневника, чтобы, читая их, вы смогли в полной мере узнать, какие чувства я испытывала к вам на протяжении последних восемнадцати месяцев.

Входит **Мерримен**.

Мерримен. Кучер леди Брэнкнелл говорит, что больше он ждать не может.

Леди Брэнкнелл (*встает*). И в самом деле, нужно поторопиться, если я хочу сегодня вернуться в Лондон. (*Смотрит на часы*.) Так, я вижу, что пропустила ни много ни мало девять поездов. Остался один – последний. (*Мерримен уходит; леди Брэнкнелл направляется к двери*.) Призм, из сказанного вами доктору Чезьюблу я могу сделать вывод, что вы до сих пор еще не отказались от пагубной страсти писать беллетристику в трех томах. Ну а если вы и в самом деле собираетесь начать семейную жизнь, что в вашем возрасте представляется мне дерзким вызовом вездесущему и всезнающему провидению, хочу выразить надежду, что вы будете не столь безалаберной с вашим супругом, как когда-то с вверенным вашим заботам младенцем, и не станете оставлять бедного доктора Чезьюбла на железнодорожных станциях лежащим внутри саквояжей, ящиков, чемоданов и вместилищ иного рода. К тому же учтите, что в камерах хранения всегда ужасные сквозняки. (*Мисс Призм кротко кивает головой*.) Доктор Чезьюбл, я вам искренне желаю всего самого хорошего, и если крещение, как вы говорите, действительно является своего рода вторым рождением, я вам настоятельно советую окрестить мисс Призм – и как можно быстрее. Быть заново рожденной – это как раз то, что ей больше всего сейчас нужно. Ну а соответствует ли эта процедура практике христианской церкви первых веков или не соответствует, этого я не знаю. Но у меня сильное подозрение, что у них вообще не возникало столь современных проблем. (*Поворачивается, лучезарно улыбаясь, к Сесили, ласково треплет ее по щеке*.) До

чего же вы милая девочка! Мы вас ожидаем в ближайшие дни к нам в гости на Гроувенор-стрит – мы живем в верхней части улицы.

Сесили. Благодарю вас, тетя Огаста.

Леди Брэнкнелл. Пойдем, Гвендолен.

Гвендолен (*Джеку*). Мой единственный!.. Но, кстати, кто именно из единственных – Джек или Эрнест? Или вас зовут как-то еще по-другому? Ведь вы только что стали кем-то иным.

Джек. Боже!.. Я совсем об этом забыл. Ваше решение относительно моего имени остается неизменным?

Гвендолен. Я неизменна во всем, кроме своих привязанностей.

Сесили. Какая все-таки у вас благородная натура, Гвендолен!

Джек. В этот вопрос нужно внести полную ясность, и немедленно! Тетя Огаста, прошу вас, задержитесь еще на минутку. Скажите, был ли я крещен к тому времени, как мисс Призм оставила меня в своем саквояже? Только умоляю вас, тетя Агата, сохраняйте хладнокровие. Это один из самых важных моментов в моей жизни, и от вашего ответа зависит многое.

Леди Брэнкнелл (*очень хладнокровно*). Ваши любящие родители тратили на вас тьму денег, осыпая вас всеми мыслимыми и немыслимыми благами, в числе которых было и крещение.

Джек. В таком случае я все-таки был крещен. В этом больше сомнений нет. Но какое мне дали при крещении имя? Я готов выслушать правду, пусть даже она будет самой ужасной.

Леди Брэнкнелл (*после паузы*). Будучи старшим сыном, вы, естественно, получили имя отца.

Джек (*нетерпеливо*). Это понятно, но как звали моего отца? Только, пожалуйста, не будьте такой хладнокровной, тетя Огаста. Это один из самых важных моментов в моей жизни, и от вашего ответа зависит многое.

Леди Брэнкнелл (*задумчиво*). Сейчас уже не могу вспомнить имя генерала Монкриффа. Ваша бедная мама, обращаясь к нему, всегда называла его «генералом». Это я помню очень хорошо. Собственно говоря, я не думаю, что она осмелилась бы назвать его по имени. Но у меня нет сомнений, что какое-то имя у него все же было. И хоть он отличался грубоватыми манерами, чудачком он ни в малейшей степени не был – то ли вследствие индийского климата, то ли женитьбы, то ли несварения желудка, то ли вследствие каких-то других вещей. Он был методичен и даже педантичен в мелочах повседневной жизни – пожалуй, чересчур, как я не раз говорила сестре.

Джек. Алджи, неужели и ты не помнишь, как звали нашего отца?

Алджернон. Дорогой мой, нас даже не представили друг другу. Он умер, когда мне еще и году не было.

Джек. Его имя непременно должно быть в списках офицерского состава армии того времени. Как вы думаете, тетя Огаста?

Леди Брэнкнелл. Генерал был по своей сути человеком миролюбивым, за исключением, конечно, семейной жизни. Но я не сомневаюсь, что имя его упоминается в любом военном справочнике.

Джек. Списки офицерского состава армии... они же здесь, в этой комнате, причем за последние сорок лет. (*Бросается к книжным полкам, выхватывает один за другим тома и распределяет их среди присутствующих.*) Так, это вам, доктор Чезьюбл. Мисс Призм, вам два тома. Сесили, ты будешь записывать самое важное из найденного. А ты, Алджернон, если у тебя остались хоть какие-то сыновние чувства, поищи имя нашего отца в английской истории. Тетя Огаста, пожалуйста, мобилизуйте весь ваш острый, как у мужчин, ум для решения этой сложной проблемы. Ну а вы, Гвендолен... впрочем, нет, это не для ваших нервов. Пусть поисками такого рода занимаются менее философские натуры – вроде наших.

Гвендолен (*с героическим видом*). Дайте мне шесть томов из любого периода – можно из этого столетия, можно из прошлого: мне все равно.

Джек. Какое благородство! Вот вам сразу двенадцать. Больше не дам – будет слишком неудобно смотреть. (*Приносит ей целую кипу томов со списками, бегло пробегает их сам, выхватывая тома из ее рук и мешая ей смотреть их самой.*) Нет, дайте лучше я посмотрю. Позвольте

мне, дорогая. Любимая, мне кажется, я найду быстрее. А ну-ка разрешите мне, любовь моя.

Чезьюбл. Какая конкретно станция вас интересует, мистер Монкрифф?

Джек (*с отчаянным видом прерывая поиски*). Станция? Я разве что-нибудь говорил о станциях? Кажется, я достаточно ясно дал понять, что мне нужно выяснить имя моего отца, разве не так?

Чезьюбл. Но вы ведь мне выдали справочник «Брэдшо»...²⁸ (*смотрит на переплет*)... за 1869 год, как я вижу. Книга представляет значительный антикварный интерес, но к вопросу об именах, даваемых генералам при крещении, не имеет ни малейшего отношения.

Сесили. Не хочу вас огорчать, дядя Джек, но в «Истории нашего времени» генералы вообще не упоминаются, хоть это и лучшее издание: оно написано в сотрудничестве с пишущей машинкой.

Мисс Призм. Мне, мистер Монкрифф, вы дали два фолианта с прейскурантами цен на товары, реализуемые через сеть государственных магазинов. Насколько я успела заметить, генералы там птичками не отмечены, а значит, на них особого спроса нет, да и в продажу они не поступают.

Леди Брэкнелл. Монография, которую я держу в руках, называется «Зеленая гвоздика». Она, как я понимаю, посвящена экзотическим растениям. У меня создалось впечатление, что генералам там уделено до обидного мало места, а если говорить откровенно, они там вообще не упоминаются. Что-то есть в этой книге нездоровое и мелкобуржуазное.

Джек (*до крайности раздраженный*). Бог ты мой, а ты, Алджи, – что еще за чепуху ты читаешь? Дай-ка взглянуть. (*Берет у него из рук книгу*.) Гм, «Списки офицерского состава армии»... Уверен, что ты не сознавал, какую книгу читаешь. Да и открыта она у тебя не там, где нужно. Правда, буква М почему-то оказалась на этой странице. Так... генералы... Малам, – какие, однако, у них здесь нелепые фамилии – Маркби, Мигзби, Моббз, Монкрифф... Монкрифф! Лейтенант – 1840 г.; капитан, подполковник, полковник, генерал – 1860 г. Имя – Эрнест Джон. (*Неторопливо ставит книгу на место и очень спокойно произносит*.) Я ведь всегда вам говорил, Гвендолен, что меня звать Эрнест, ведь правда? В конце концов так оно и оказалось. Никем другим, кроме Эрнеста, я и не мог быть!

Леди Брэкнелл. Да, теперь я припоминаю, генерала действительно звали Эрнест. Я всегда недолюбливала это имя, и теперь я понимаю почему. Пойдем, Гвендолен. (*Выходит*.)

Гвендолен. Эрнест! Мой дорогой Эрнест! Я с самого начала чувствовала, что другого имени у вас просто не может быть.

Джек. Гвендолен! Как это ужасно для человека – внезапно обнаружить, что, оказывается, всю жизнь он ничего не говорил, кроме правды. Вы мне можете это простить?

Гвендолен. Могу. Ибо чувствую, что вы непременно изменитесь.

Джек. Единственная моя!

Чезьюбл (*обращаясь к мисс Призм*). Летиция! (*Обнимает ее*.)

Мисс Призм (*восторженно*). Фредерик! Наконец-то!

Алджернон. Сесили! (*Обнимает ее*.) Наконец-то!

Джек. Гвендолен! (*Обнимает ее*.) Наконец-то!

Входит леди Брэкнелл.

Леди Брэкнелл. Все-таки я не успела на последний поезд!.. Дорогой мой племянник, вы, кажется, проявляете признаки легкомыслия.

Джек. Напротив, тетя Огаста, я, кажется, впервые в жизни понял, как важно быть серьезным и как замечательно быть Эрнестом!

Немая картина.

²⁸ «Брэдшо» – справочник расписания движения поездов на всех железных дорогах Великобритании; издавался с 1839 по 1961 г. в Манчестере.

Занавес